

НИКОЛАС
СПАРКС
Желание

Николас Спаркс

Желание

Серия «Спаркс: чудо любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67897785

Желание:

ISBN 978-5-17-147322-8

Аннотация

1995 год – год, изменивший для шестнадцатилетней Мэгги Доус все. Год, когда ей пришлось переехать в маленький тихий городишко на острове у берегов Северной Каролины. Год, когда она встретила не по годам мудрого юношу по имени Брайс Трикетт, не только подарившего ей то, что станет для нее профессией, призванием и смыслом существования, но и научившего понимать природу, окружающий мир и саму себя...

2019 год – год, когда на знаменитого на весь мир фотографа Мэгги Доус обрушивается страшный диагноз. Отчаянно борясь за жизнь, она принимает помощь молодого ассистента Марка Прайса, с каждым днем все сильнее с ним сближается – и рассказывает ему свою историю. Историю большой любви и большой трагедии...

Содержание

Благодарности	5
«В это время»[1]	10
Брошенная в глуши	58
«Щелкунчик»	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Николас Спаркс

Желание

Посвящается Пэм Поуп и Оскаре Стевик

Nicholas Sparks

THE WISH

© Willow Holdings, Ink., 2021

© Перевод. У. Сапцина, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Благодарности

Этот год знаменует мое двадцатипятилетие в качестве публикующегося автора – рубеж, который я даже вообразить себе не мог, когда впервые взял в руки экземпляр «Дневника памяти». В то время я честно не знал, появится ли у меня еще когда-нибудь удачная идея для книги, не говоря уже о том, сумею ли обеспечивать себя и свою семью писательским трудом.

То, что мне удалось продолжать заниматься любимым делом четверть века, – свидетельство в пользу блистательной и преданной группы сторонников, которые советуют, хвалят, пилят, утешают, разрабатывают стратегии и выступают в мою защиту круглосуточно и ежедневно – 24/7. Многие из них провели рядом со мной не одно десятилетие. К примеру, Тереза Парк: мы познакомились, когда нам было чуть за двадцать, неистово трудились до тридцати и сорока лет, одновременно строя семьи и вместе снимая фильмы, а теперь прилагаем усилия, чтобы мудро и продуктивно жить, когда нам перевалило за пятьдесят. Мы друзья, партнеры и попутчики на дороге жизни, наши отношения выдержали бесчисленные карьерные взлеты и падения, которые никогда, ни разу не были скучными.

Со всеми сотрудниками литературного агентства «Парк энд Файн» я знаком так давно, что даже представить себе не

могу публикацию книги или маркетинг фильма без них. Вне всяких сомнений, это самая знающая, сведущая, неустрашимая группа издательских представителей в индустрии: Абигейл Кунс, Эмили Свит, Александра Грин, Андреа Мэй, Пит Кнапп, Эма Барнс и Фиона Фурнари привносят совершенство и опыт во всю художественную литературу, к которой имеют отношение; их коллеги в мире научно-популярных книг ничуть не уступают им. Селеста, я был невероятно рад познакомиться с вами, когда вы объединили силы с Терезой, и сразу же понял, почему ваша совместимость оказалась идеальной!

Издательство «Гранд сентрал паблишинг» по-прежнему остается моим домом по прошествии всех этих лет. И хотя за несколько десятилетий лица в нем изменились, культура приличия, доброжелательности и партнерства в работе с авторами осталась неизменной. Майкл Пич вел компанию сквозь бесчисленные эволюционные изменения и испытания, демонстрируя принципиальность и дальновидность стратега; директор издательства Бен Севьер показал себя замечательным управленцем и создателем развивающейся компании; главный редактор Карен Костольник проявила себя вдохновляющим и бережным защитником моей работы, строгим и вместе с тем уважительным в своем редакторском стиле. Брайан Маклендон, ваши неиссякающие усилия, направленные на обновление и переосмысление облика и посылы моих книг из года в год, заслуживают награды – вся моя

команда обожает ваш безудержный энтузиазм, благодаря которому, наряду со стараниями неутомимой Аманды Прицкер, мои книги постоянно остаются на виду, неизменно готовые для тех, кто открывает их для себя. Бет де Гусман, вы принадлежите к числу немногих людей, которые сотрудничали с моим издателем с самой первой книги, и ваш неустанный труд, направленный на то, чтобы сделать ассортимент моих книг свежим и привлекательным, – один из секретов моего успеха. Мэтью Бэллэст – дзен-мастер рекламы автора, любезный и невозмутимый, а его коллега Стейси Берт – грамотный, ответственный рекламный агент, которого не пугает ни ковид с непредсказуемостью графиков турне, ни взбалмошность авторов. Арт-директору Альберту Тэнгу и моему давнему художнику-оформителю обложек Флэгу: вы гении, ухитряющиеся удивлять меня изумительными, прекрасными обложками из года в год.

Кэтрин Олим заслужила медаль доблести за все кризисные ситуации, которые она разрулила, и щедрую рекламу, которую обеспечила моим книгам – прямолинейный, бесстрашный наставник и воин, она никогда не боится давать мне подсказки по поводу моих выступлений на экране или защищать меня от несправедливой критики. Лаквиш «Кью» Райт – абсолютная звезда в мире социальных медиа, с чутьем, связями и стратегической грамотностью, которым нет равных в этом непостоянном, стремительно меняющемся мире. Она любит свою работу, ее изобилующий звезда-

ми список клиентов выигрывает благодаря ее увлеченности. Молли Смит, найдется ли дизайнер и эксперт по распространению среди поклонников, тоньше чувствующий и дизайн, и аудиторию? Вы совершенство, и вместе с «Кью» вы всегда руководили работой с моей читательской аудиторией умело и уверенно.

Мой давний представитель в Голливуде Хоуи Сандерс из «Анонимус контент» на протяжении десятилетий был моим мудрым советником и глубоко преданным другом. Я дорожу его советами и восхищаюсь его цельностью; после всего, что мы пережили вместе, я полностью доверяю ему. Скотт Швиммер был моим непреклонным (но обаятельным!) консультантом и представителем на переговорах в течение двадцати пяти лет, он чего только не видел, он знает и меня, и подробности моей карьеры как мало кто другой, – в моем сплоченном мозговом центре ему нет цены.

В личной жизни мне посчастливилось иметь круг друзей и родных, на любовь и поддержку которых я могу рассчитывать ежедневно. Не придерживаясь какого-либо определенного порядка, я хочу поблагодарить вас, Пэт и Билл Миллс; семья Тейни, в том числе Майк, Парнелл, Мэтт, Кристи, Дэн, Кира, Аманда и Ник; семья Спаркс, в том числе Дайэнн, Чак, Монти, Гейл, Сэнди, Тодд, Элизабет, Шон, Адам, Натан и Джош; и наконец, Боб, Дебби, Коди и Коул Льюис. Хочу также выразить признательность вам – друзьям, которые все до единого так много значат для меня: Виктория Водар;

Джонатан и Стефани Арнолд; Тодд и Гретхен Лэнман; Ким и Эрик Белчер; Ли, Сэнди и Макс Миншалл; Адриана Лима; Дэвид и Морган Шара; Дэвид Геффен; Джинни и Пэт Арментраут; Тиа и Брэндон Шейвер; Кристи Боначчи; Дрю и Бриттани Брис; Бадди и Венди Столлингс; Джон и Стефани Заннис; Дженин Каспар; Джой Ленц; Дуайт Карлбом; Дэвид Вонг; Мисси Блэкерби; Кен Грей; Джон Хокинс и Майкл Смит; семья Ван Ви (Джефф, Торри, Ана, Одри и Ава); Джим Тайлер; Крис Маттео; Рик Мюнч; Поль дю Вэр; Боб Джейкоб; Эрик Коллинз; и в последнюю очередь по порядку, но не по значимости, спасибо моим чудесным детям, которые для меня – весь мир. Майлс, Райан, Лэндон, Лекси и Саванна, я люблю вас всех.

«В это время»¹

Манхэттен

Декабрь 2019 года

Каждый раз с приближением декабря Манхэттен преображался настолько, что Мэгги не всегда узнавала его. Туристы толпами стекались на бродвейские шоу, наводняли тротуары возле универсальных магазинов Мидтауна, образуя лениво текущие реки пешеходов. Бутики и рестораны были переполнены посетителями, обвешанными гроздьями пакетов, рождественские мелодии звучали из скрытых динамиков, вестибюли отелей сверкали украшениями. Рождественскую елку в Рокфеллеровском центре освещали гирлянды разноцветных лампочек и вспышки тысяч айфонов, а городской транспорт, далеко не самый скорый даже в лучшие времена, застревал в пробках так надолго, что быстрее было пройти пешком, чем ловить такси. Но у пеших прогулок имелись свои минусы: из-за домов то и дело выхлестывал стылый ветер, требовал термобелья, обилия флиса и курток с наглухо застегнутым на молнию воротником.

Мэгги Доус, которая считала себя свободолобивой натурой, одержимой тягой к странствиям, всегда обожала саму идею нью-йоркского Рождества, пусть даже в виде глянцевого

---

¹ Рождественская песня «'Tis the Season». – Здесь и далее примеч. ред.

открытки «вы только посмотрите, какая прелесть». А в реальной жизни она, подобно многим жителям Нью-Йорка, в праздники всеми силами старалась обходить Мидтаун стороной. И либо держалась поближе к дому в Челси, либо, что случалось чаще, улетала куда-нибудь, где потеплее. Специализируясь на туристической фотографии, она порой воспринимала себя горожанкой из Нью-Йорка в меньшей степени, нежели кочевником, который обзавелся постоянным адресом в большом городе лишь по чистой случайности. В блокноте, который лежал в ящике прикроватной тумбочки, она составила список из более чем сотни мест, где до сих пор хотела побывать, и среди них значилась такая глушь и даль, что даже добраться туда было нешуточным испытанием.

С тех пор, как двадцать лет назад она бросила колледж, список продолжал пополняться местами, по какой-либо причине будоражившими ее воображение, а постоянные поездки позволяли ей вычеркивать из него то один, то другой пункт. С фотоаппаратом через плечо она побывала на всех континентах, в более чем восьмидесяти двух странах и сорока трех из пятидесяти штатов. Сделала десятки тысяч снимков – от фауны дельты Окаванго² в Ботсване до северного сияния в Лапландии. Были среди них и материалы, отснятые в походе по дороге инков, на Берегу Скелетов в Намибии, и еще больше – среди руин Тимбукту. Двенадцать лет назад

---

² Самая большая внутренняя дельта планеты, не имеющая стока в Мировой океан.

она научилась нырять со скубой и десять дней провела, запечатлевая подводный мир у островов Раджа-Ампат; четыре года назад пешком дошла до знаменитого Паро Таксанг, или Гнезда тигрицы, – буддийского монастыря, возведенного на уступе скалы в Бутане, откуда открывалась захватывающая панорама Гималаев.

Окружающие часто изумлялись ее приключениям, однако она успела убедиться, что слово «приключение» имеет немало смысловых оттенков, и далеко не все они позитивны. Наглядным примером служило ее нынешнее приключение – так она сама называла его, обращаясь к своим подписчикам в соцсетях – то самое, из-за которого ее перемещения теперь ограничивались галереей и маленькой квартирой с двумя спальнями на Западной девятнадцатой улице вместо каких-нибудь более экзотических локаций. То же приключение порой наводило на мысли о суициде.

О нет, она ни за что не покончила бы с собой. Эта мысль ужасала ее, в чем она и призналась в одном из множества видео, снятых для «Ютьюба». На протяжении десяти лет ее видео ничем не выделялись, как и посты о фотографии: она рассказывала о том, как принимает решения, делая снимки, предлагала ряд учебных материалов по «Фотошопу», готовила обзоры новых моделей фотоаппаратов и аксессуаров к ним и обычно выкладывала все это раза два-три в месяц. Видео на «Ютьюбе», вдобавок к постам в соцсетях, а также к блогу на ее сайте, всегда пользовались популярностью у фа-

натов фотографии и в то же время добавляли лоска к ее профессиональной репутации.

Но три с половиной года назад она под влиянием момента выложила на своем «Ютьюб»-канале видео, посвященное недавнему диагнозу, не имеющему к фотографии никакого отношения. Это видео, сбивчивый, неприукрашенный рассказ о страхе и неуверенности, которые она вдруг испытала, узнав, что у нее меланома четвертой стадии, вероятно, не следовало публиковать вообще. Однако то, что она считала одиноким голосом, которому ответит лишь эхо с пустынных просторов Интернета, каким-то образом привлекло всеобщее внимание. Она не знала точно, как и почему это произошло, но именно то видео – из всех, какие она когда-либо выкладывала, – вызвало сначала струйку, потом ровный поток, а под конец – лавину просмотров, комментариев, вопросов и лайков от людей, которые никогда не слышали о ней и ее деятельности фотографа. Считая себя обязанной ответить тем, кого тронула ее участь, она подготовила и опубликовала еще одно видео, относящееся к ее диагнозу, и оно стало еще более популярным. С тех пор примерно раз в месяц она продолжала выкладывать видео в том же ключе, главным образом потому, что полагала: у нее нет выбора, кроме как продолжать. За прошедшие три года она успела обсудить разные виды терапии и собственные ощущения, связанные с ними, иногда даже демонстрировала шрамы, оставшиеся после операции. Она рассказывала о лучевых ожогах, тош-

ноте, потере волос, открыто задавалась вопросом о смысле жизни. Размышляла о своем страхе смерти, строила догадки о возможности загробной жизни. Все это были серьезные темы, но она, возможно, чтобы не вгонять себя в депрессию обсуждением столь прискорбных предметов, старалась выдерживать свои видео в как можно более легком тоне. И полагала, что отчасти именно этим объясняется их популярность, но кто мог сказать наверняка? Одно было несомненно: каким-то образом, почти невольно, она стала звездой собственного реалити-сериала в Интернете – того, что начался с надежды, но мало-помалу сосредоточился на единственно возможном и неизбежном завершении.

И хотя этому, пожалуй, не стоило удивляться, приближение грандиозного финала сопровождалось взрывным ростом зрительской аудитории.

* * *

В своем первом «онковидео» – как она мысленно называла их, в отличие от своих «реальных видео», – она с кислой усмешкой уставилась в объектив и произнесла: «Я сразу возненавидела ее. Потом она меня захватила».

Она понимала, что это, пожалуй, дурновкусие – шутить насчет своей болезни, но все происходящее казалось ей абсурдом. Почему именно *она*? В то время ей было тридцать шесть лет, она регулярно занималась спортом и придержи-

валась вполне правильного питания. Никто в ее семье раком не болел. Она выросла в пасмурном Сиэтле и жила в Манхэттене, что исключало пристрастие к солнечным ваннам. В салонах искусственного загара она не бывала никогда. Все, что стряслось с ней, просто не имело смысла, но разве не в этом вся суть рака? Рак не выбирает; он просто случается с теми, кому не повезло, и спустя некоторое время она наконец смирилась с тем, что лучше задаваться вопросом: почему НЕ она? В ней нет ничего особенного; до сих пор в ее жизни случались периоды, когда она считала себя интересной, или умной, или даже симпатичной, но в ее мыслях о себе никогда не возникало слово «особенная».

Когда диагноз стал ей известен, она могла бы поклясться, что совершенно здорова. Месяцем ранее она побывала на острове Вааду на Мальдивах, на фотосъемке для «Конде Наст». Туда она отправилась в надежде запечатлеть прибрежную биолюминесценцию, от которой волны океана сияли как звезды, словно подсвечивались изнутри. Это призрачное эффектное свечение вызывал морской планктон, и Мэгги специально выделила время, чтобы сделать несколько снимков для себя, а может, и для того, чтобы выставить их на продажу у себя в галерее.

С фотоаппаратом в руках она обследовала почти безлюдный в середине дня пляж возле отеля, пытаясь представить, что именно возьмет в кадр, когда опустится вечер. Ей хотелось запечатлеть намек на береговую линию – может, с ва-

дунами на переднем плане, – небо и, конечно, вздымающиеся волны. Больше часа она потратила, делая снимки под разными углами и в различных местах пляжа, когда мимо нее прошла незнакомая пара, держась за руки. Поглощенная работой, она едва заметила этих людей.

А несколько минут спустя, пока она изучала в видоискатель то место на некотором расстоянии от берега, где разбивались волны, за ее спиной раздался женский голос. Незнакомка говорила по-английски, но с отчетливым немецким акцентом.

– Прошу прощения, – начала она. – Вижу, вы заняты, и сожалею, что побеспокоила вас.

Мэгги опустила фотоаппарат.

– Да?..

– Об этом затруднительно говорить, но вы не обследовались по поводу этого темного пятнышка сзади на плече?

Мэгги нахмурилась, безуспешно пытаясь разглядеть между бретельками купальника пятно, о котором говорила женщина.

– Я и не знала, что у меня там темное пятнышко... – она в замешательстве прищурилась, глядя на женщину. – А почему оно вас так заинтересовало?

Ее собеседница – лет пятидесяти, с короткой седой стрижкой, – кивнула:

– Наверное, мне следовало представиться. Я доктор Сабина Кессель. Работаю дерматологом в Мюнхене. Это пятно

выглядит нетипично.

Мэгги заморгала.

– Вы имеете в виду – как рак?

– Не знаю, – ответила женщина, выражение лица которой стало осторожным. – Но на вашем месте я бы обследовала его как можно скорее. Разумеется, может оказаться, что это пустяки.

Или что-то серьезное, не пришлось добавлять доктору Кессель.

Несмотря на то что Мэгги понадобилось пять ночей, чтобы добиться желаемого эффекта, необработанными файлами она осталась довольна. Предстояло еще тщательно обработать снимки на стадии цифрового постпроизводства – подлинное искусство фотографии в наши дни почти всегда проявляется на этом этапе, – но она уже знала, что результат окажется потрясающим. А пока, стараясь не слишком беспокоиться, она записалась к доктору Снехалию Кхатри, дерматологу из Верхнего Ист-Сайда, назначив прием через четыре дня после своего возвращения в город.

Биопсию пятна взяли в начале июля 2016 года, затем ее отправили на дополнительные обследования. Позднее в том же месяце она прошла ПЭТ и МРТ в Мемориальном центре Слоуна-Кеттеринга. Когда пришли результаты, доктор Кхатри усадил ее в смотровой и спокойно и серьезно сообщил, что у нее четвертая стадия меланомы. В тот же день ее познакомили с онкологом Лесли Бродиган – ее лечащим вра-

чом. После этих встреч Мэгги сама начала искать информацию в Интернете. Несмотря на объяснения доктора Бродиган, что общая статистика мало что значит, когда речь заходит о прогнозировании результатов для конкретного пациента, Мэгги не могла не обратить внимание на цифры. Ей стало известно, что среди тех, у кого меланома была выявлена на четвертой стадии, выживаемость по прошествии пяти лет составила менее пятнадцати процентов.

В состоянии шока и неверия на следующий день Мэгги записала свое первое «онковидео».

* * *

На втором приеме доктор Бродиган, деятельная голубоглазая блондинка, живая иллюстрация к выражению «крепкое здоровье», вновь разъяснила ей особенности ее состояния, поскольку в первый раз этот процесс настолько ошеломил Мэгги, что слова врача она запомнила лишь обрывочно. По сути дела, четвертая стадия меланомы означала, что рак дал метастазы не только в отдаленных лимфоузлах, но и в некоторых других органах, в ее случае – в печени и в желудке. МРТ и ПЭТ выявили рост раковых опухолей, вторгающихся в более здоровые части ее тела подобно армии муравьев, набросившихся на еду на столе для пикника.

Одним словом, следующие три с половиной года прошли в тумане лечения и восстановления, с редкими вспышками

надежды, озаряющими темные туннели тревоги. Мэгги перенесла операцию по удалению пораженных лимфатических узлов и метастазов из желудка и печени. За операцией последовало облучение – оно оказалось мучительным, от него кожа кое-где чернела, и оставались отталкивающего вида шрамы в дополнение к полученным после операций. Мэгги узнала также, что существуют разные виды меланомы, в том числе и на четвертой стадии, поэтому применяются разные виды терапии. В ее случае это означало иммунотерапию, которая, по-видимому, действовала в течение пары лет, пока наконец не перестала. Затем, в прошлом апреле, она приступила к химиотерапии и продолжала ее несколько месяцев подряд, ненавидя за то, какие ощущения она у нее вызывала, но убеждая себя, что такое лечение обязано быть эффективным. Ну разве может оно не подействовать, рассуждала она, если, похоже, все остальное в ней уже почти убило? В те дни она едва узнавала себя в зеркале. Еда почти всегда горчила или казалась слишком соленой, поэтому есть было трудно, и Мэгги, и без того миниатюрная, потеряла больше девяти килограммов. Ее миндалевидные карие глаза теперь выглядели запавшими и слишком огромными, выделяясь над обострившимися скулами, лицо больше напоминало череп, обтянутый кожей. Она постоянно мерзла и носила теплые свитера даже у себя в квартире с работающим на полную мощность отоплением. Лишившись всех своих темно-каштановых волос, она наблюдала, как те медленно от-

растают – но местами, сделавшись более светлыми и тонкими, как у младенца; приходилось все время носить платок или шапку. Жилистая тощая шея смотрелась так жалко, что она куталась в шарфы и избегала зеркал, чтобы лишний раз не взглянуть на свое отражение даже мельком.

Немногим больше месяца назад, в начале ноября, она прошла очередное обследование – ПЭТ и томографию, и в декабре опять встретилась с доктором Бродиган. На этот раз доктор казалась сдержаннее обычного, хотя ее глаза лучились сочувствием. Она сообщила Мэгги: несмотря на то что три года терапии замедлили болезнь, остановить ее прогрессирование так и не удалось. А когда Мэгги спросила, какие еще существуют варианты лечения, доктор мягко перевела разговор на качество оставшейся ей жизни.

Таким способом Мэгги поставили в известность о том, что она умирает.

* * *

Галерею Мэгги открыла больше девяти лет назад, вместе со скульптором по имени Тринити, чьи гигантские эклектичные творения занимали почти все пространство. Настоящее имя Тринити было Фред Маршберн, они познакомились на открытии выставки другого художника – мероприятия из тех, какие Мэгги посещала редко. Уже в то время Тринити пользовался бешеным успехом и давно носился с

идеей открыть собственную галерею; однако управлять этой галереей у него не было ни малейшего желания, как и уделять ей хоть сколько-нибудь времени. Поскольку они нашли общий язык и снимки Мэгги никоим образом не соперничали с работами Тринити, сделка состоялась. За управление галереей Мэгги должна была получать скромную зарплату и возможность выставлять подборки собственных работ. В то время ее привлекал скорее престиж – можно говорить людям, что у нее своя галерея! – нежели деньги, которые собирался платить ей Тринити. В первые год-два она продала лишь несколько своих фотокопий.

Так как в то время Мэгги активно путешествовала, в среднем проводя в поездках более сотни дней в году, повседневными делами галереи занималась Луанн Соммерс. Нанимая ее, Мэгги узнала, что та богата, в разводе и имеет уже взрослых детей. Практический опыт Луанн исчерпывался любительской страстью к коллекционированию и виртуозным умением отыскивать лучший товар на распродажах в «Неймане Маркусе». К ее плюсам относилось умение хорошо одеваться; она была ответственна, добросовестна, готова учиться и не комплексовала по тому поводу, что зарабатывает чуть больше прожиточного минимума. По ее словам, алиментов ей хватало, чтобы жить в роскоши, вообще не работая, но проводить все свое время на кухне, собирая детям ланчи в школу, она была не готова.

У Луанн обнаружился врожденный талант в сфере про-

даж. Поначалу Мэгги вводила ее в курс технических деталей всех своих снимков, а также рассказывала об истории создания каждого из них – этими историями покупатели часто интересовались не меньше, чем самим изображением. Скульптуры, которые Тринити ваял из самых разных материалов – холста, металла, пластика, клея, краски, добавок к предметам, найденным на мусорных свалках, оленьим рогам, стеклянным и жестяным консервным банкам, – были настолько оригинальны, что вызывали оживленные дискуссии. Он был уже признанным любимцем и баловнем критиков, его работы регулярно покидали зал, несмотря на шокирующие цены. Однако галерея не выставляла творения приглашенных художников и не рекламировала их, поэтому работа велась в спокойном темпе. Бывало, за весь день выставку посещали не более пяти человек, на последние три недели года галерею обычно закрывали. Такой порядок долгое время устраивал Мэгги, Тринити и Луанн.

Но два обстоятельства изменили все. Во-первых, «онко-видео» Мэгги привлекли в галерею новых посетителей. Не обычных искушенных поклонников новейшего современного искусства или фотографии, а туристов откуда-нибудь из Теннесси или Огайо, людей, которые начали следить за постами Мэгги в социальных сетях и на «Ютьюбе», потому что ощущали связь с ней. Некоторым из них полюбились ее фотографии, но большинство просто хотели познакомиться с ней лично или купить на память один из ее снимков с авто-

графом. Телефон разрывался от звонков заказчиков со всей страны, дополнительные заказы поступали через сайт. Все, что могли Мэгги и Луанн, – стараться везде поспеть, и в прошлом году приняли решение оставить галерею открытой на все праздники, потому что посетители продолжали приходить толпами. Потом Мэгги узнала, что с началом химиотерапии несколько месяцев она не сможет работать в галерее. Стало ясно, что им понадобится еще один сотрудник, и когда Мэгги затронула эту тему в разговоре с Тринити, он сразу же согласился. По воле судьбы на следующий день в галерею зашел некий Марк Прайс и попросил разрешения поговорить с Мэгги. В то время это событие показалось ей слишком уж хорошим, чтобы быть правдой.

* * *

Марк Прайс, недавний выпускник колледжа, мог сойти за старшеклассника. Поначалу Мэгги предположила, что это еще один «онкофанат», но оказалась права лишь отчасти. Он признался, что с ее работами познакомился благодаря ее популярности в Сети – ему особенно понравились ее видео, охотно добавил он, – но пришел он к ней, прихватив с собой резюме. И объяснил, что ищет работу и что его привлекает возможность потрудиться в сфере искусства. Живопись и фотография, продолжал он, способствуют распространению новых идей, – зачастую так, как не могут способство-

вать слова.

Мэгги опасалась нанимать поклонника, но тем не менее в тот же день обстоятельно поговорила с Марком и выяснила, что он явился подготовленным. Он много знал о Тринити и его работе; упомянул конкретную инсталляцию, в настоящий момент выставленную в Музее современного искусства, и еще одну – в Новой школе; сравнивал их с некоторыми поздними работами Роберта Раушенберга³ со знанием дела, но избегая претенциозности. Кроме того, он продемонстрировал глубокую и впечатляющую осведомленность о работах самой Мэгги, хоть и не удивил ее этим. Но, несмотря на то что на все ее вопросы он давал исчерпывающие ответы, что-то слегка тревожило ее; она никак не могла понять, серьезен ли Марк в своем намерении поработать в галерее, или это еще один желающий наблюдать ее трагедию с минимального расстояния, в роли очевидца.

Когда их разговор подходил к концу, она объяснила, что в настоящий момент галерея собеседования не проводит – хотя, строго говоря, это лишь вопрос времени, – на что Марк вежливо осведомился, не согласится ли она тем не менее принять у него резюме. По прошествии времени она думала, что ее очаровало именно то, как он сформулировал просьбу: «Не согласитесь ли вы тем не менее принять мое резюме».

---

³ Роберт Раушенберг (1925–2008) – американский художник, яркий представитель концептуального искусства и поп-арта, мастер техники коллажа. В своих работах часто использовал мусор и различные отходы.

ме?» Вопрос поразил ее старомодностью и учтивостью, она невольно улыбнулась, протягивая руку за документом.

Позднее на той же неделе Мэгги разместила объявление о вакансии на нескольких сайтах, имеющих отношение к сфере искусств, и созвонилась со знакомыми из других галерей, сообщая им, что ищет сотрудника. Резюме и запросы переполнили почтовый ящик, Луанн встретила с шестью кандидатами, пока Мэгги, которую то тошнило, то рвало после первой инфузии, отлеживалась дома. Лишь одна кандидатка прошла первое собеседование, но когда не явилась на второе, была вычеркнута и она. Раздосадованная Луанн навестила Мэгги дома, чтобы сообщить, как идут дела. Мэгги уже несколько дней не выходила из квартиры и, лежа на диване, потягивала мелкими глотками смузи из фруктов и мороженого, принесенный Луанн, – то небольшое, что она все еще могла проглотить.

– С трудом верится, что мы не в состоянии найти человека, пригодного для работы в галерее, – покачала головой Мэгги.

– Опыта нет, в искусстве не разбираются, – фыркнула Луанн.

Ты тоже не разбиралась, могла бы возразить Мэгги, но промолчала, прекрасно сознавая, каким сокровищем оказалась Луанн как подруга и подчиненная, – самым удачным из приобретений. Душевная и уверенная в себе, Луанн давно перестала быть для Мэгги просто коллегой.

– Я доверяю твоей оценке, Луанн. Просто начнем заново.

– А ты уверена, что среди остальных больше не было никого достойного встречи? – жалобно уточнила Луанн.

Почему-то Мэгги вдруг вспомнился Марк Прайс, так учтиво спрашивающий, не согласится ли она принять его резюме.

– Улыбаешься, – заметила Луанн.

– Нет, ничуть.

– Если я вижу улыбку, я ее ни с чем не спутаю. О чем ты только что подумала?

Выигрывая время, Мэгги сделала еще один глоток смузи, потом наконец решила признаться.

– О том пареньке, который приходил еще до того, как мы дали объявление, – и она рассказала, как прошел разговор с Марком. – Насчет него я до сих пор не уверена, – заключила она, – но его резюме, кажется, где-то у меня в столе, в офисе, – она пожала плечами. – Не знаю даже, свободен ли он до сих пор.

Осторожно расспросив, чем вызван интерес Марка к этой работе, Луанн нахмурилась. Состав посетителей галереи был знаком ей лучше, чем кому бы то ни было, она понимала, что люди, посмотревшие видео Мэгги, часто воспринимают ее как ту, кому можно довериться, посочувствовать и рассчитывать на ответное сочувствие. Обычно они стремились поделиться своими историями, рассказать о своих страданиях и потерях. И как бы Мэгги ни хотелось утешить их, зачастую

эмоциональная поддержка отнимала слишком много сил, а ей и так едва удавалось держаться. Луанн делала все возможное, чтобы ограждать ее от наиболее настырных искателей общения.

– Разреши мне просмотреть его резюме и поговорить с ним, – попросила Луанн. – А потом будем действовать по порядку.

На следующей неделе Луанн связалась с Марком. Их первый разговор привел к еще двум более официальным собеседованиям, в том числе с участием Тринити. Позднее в разговоре с Мэгги Луанн не поскупилась на похвалы в адрес Марка, и тем не менее Мэгги настояла на новой встрече с ним – на всякий случай. Прошло еще четыре дня, прежде чем она собралась с силами, чтобы побывать в галерее. Марк Прайс явился вовремя, одетый в костюм, и переступил порог ее кабинета, держа в руках тонкую папку. Чувствуя себя скверно, она просмотрела его резюме, отметила, что он из Элкарта, штат Индиана, а когда увидела дату окончания Северо-Западного университета, мысленно произвела быстрые подсчеты.

– Вам двадцать два года?

– Да.

Со своим аккуратным пробором в волосах, голубыми глазами, свежим детским лицом он походил на опрятного старшеклассника, готового к выпускному балу.

– И вы специализировались на теологии?

– Да, – подтвердил он.

– А почему именно на теологии?

– Мой отец священник, – объяснил он. – Со временем я хочу тоже стать магистром богословия. Чтобы пойти по его стопам.

Услышав это, она поняла, что ничуть не удивилась.

– Тогда почему вы заинтересовались искусством, если намерены пойти в священники?

Он сложил кончики пальцев вместе, словно желая как можно осмотрительнее выбрать слова.

– Я всегда был убежден, что у искусства и веры много общего. И то, и другое дают людям возможность исследовать нюансы своих эмоций и находить ответы на вопросы, которые ставит перед ними искусство. Ваши работы и скульптуры Тринити всегда заставляли меня *задуматься* и, что еще важнее, пробуждали *чувства* таким образом, что это зачастую приводило к ощущению чуда. Совсем как вера.

Ответ был хорош, но Мэгги тем не менее подозревала, что Марк чего-то недоговаривает. Не давая воли этим подозрениям, она продолжала собеседование, задавала стандартные вопросы о том, где и как он работал раньше, о его познаниях в области фотографии и новейшей современной скульптуры и наконец откинулась на спинку кресла.

– Почему вы считаете, что подойдете галерее?

Ее допрос с пристрастием не устрасил его.

– Прежде всего потому, что во время знакомства с мисс

Соммерс у меня сложилось впечатление, что мы с ней работаем. С ее разрешения после нашего собеседования я провел некоторое время в галерее, а потом, после дополнительных исследований, обобщил свои мысли о работах, выставленных в зале в настоящее время, – он протянул ей папку. – Я оставил копию и для мисс Соммерс.

Мэгги полистала содержимое папки. Остановилась на случайно выбранной странице, пробежала глазами пару абзацев, которые Марк посвятил фотографии, сделанной ею в Джибути в 2011 году, когда эта страна столкнулась с одной из самых страшных засух за последние десятилетия. На переднем плане был виден скелет верблюда, на заднем три семьи в ярких разноцветных одеждах смеялись и улыбались, шагая по руслу пересохшей реки. Сгущающиеся грозовые тучи в небе подсвечивало красным и оранжевым заходящее солнце, они контрастировали с выбеленными костями и глубокими трещинами в иссушенной земле, указывающими, как давно на нее не падал дождь.

Комментарии Марка свидетельствовали о неожиданной технической осведомленности и зрелой оценке ее художественного замысла; она пыталась показать маловероятную радость в разгар отчаяния, ничтожность человека при столкновении со своенравными силами природы, и Марк подробно изложил суть этих намерений.

Мэгги захлопнула папку, зная, что остальное ей просматривать незачем.

– Вы явно подготовились, и для вашего возраста вы на редкость хорошо соответствуете предлагаемой работе. Но главным образом меня беспокоит не это. Я все еще хочу знать реальную причину, по которой вы желаете устроиться сюда.

Он нахмурился.

– По-моему, ваши фотографии исключительны. Как и скульптуры Тринити.

– И это все?

– Не совсем понимаю, о чем вы.

– Буду откровенна, – Мэгги тяжело вздохнула. Она слишком устала, слишком больна и у нее так мало времени, что она не в состоянии позволить себе что-нибудь, кроме откровенности. – Вы принесли резюме еще до того, как мы дали объявление о вакансии, и вы признались, что поклонник моих видео. Это тревожит меня, потому что иногда у людей, которые смотрят видео, посвященные моей болезни, возникает ложное чувство близости со мной. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь из них работал здесь, – она подняла брови. – Может, вы представляли себе, что мы станем друзьями и будем вести глубокие, исполненные смысла беседы? Это маловероятно. Сомневаюсь, что вообще буду часто заходить в галерею.

– Я понимаю, – вежливо и невозмутимо ответил Марк. – На вашем месте я скорее всего испытывал бы подобные чувства. Все, что я могу, – заверить вас, что в мои намерения

входит только стать отличным сотрудником.

Она не стала принимать решение сразу. Вместо этого она рассудила, что утро вечера мудренее, и на следующий день посоветовалась с Луанн и Тринити. Несмотря на то что Мэгги мучила неуверенность, оба были не прочь дать Марку шанс, и в начале мая он приступил к работе.

К счастью, с тех самых пор Марк не давал Мэгги никакого повода раскаяться в своем решении. Химиотерапия продолжала изнурять ее все лето, в галерее она проводила всего несколько часов в неделю, но в те редкие моменты, пока она находилась там, Марк вел себя как истинный профессионал. Он жизнерадостно приветствовал ее, легко улыбался и всегда обращался к ней «мисс Доус». Никогда не опаздывал на работу, никогда не звонил сказать, что заболел, редко тревожил ее, а если и стучал тихонько в дверь ее кабинета, то лишь в тех случаях, когда добросовестный покупатель или коллекционер спрашивал именно ее, и Марк считал случай достаточно важным, чтобы ее потревожить. Возможно, потому, что он принял сказанное на собеседовании близко к сердцу, он никогда не упоминал о ее недавних видео или постах и не задавал ей личных вопросов. Время от времени он выражал надежду, что она чувствует себя неплохо, и это ее устраивало, поскольку он, в сущности, ни о чем не спрашивал, так что она сама могла решать, сказать что-нибудь или нет, если хотела.

Вдобавок, что самое важное, он преуспевал в работе. С

клиентами он обращался любезно и обаятельно, «онкофанатов» вежливо направлял к выходу, прекрасно справлялся с продажами – вероятно, потому, что не был навязчивым ни в малейшей степени. На телефонные звонки он отвечал обычно после второго или третьего сигнала, копии снимков старательно упаковывал перед тем, как отправить по почте. Завершив все свои дела, он, как правило, задерживался в галерее на час-другой после закрытия. Луанн настолько впечатлили его достижения, что она преспокойно готовилась уехать на Мауи в декабре на целый месяц вместе с дочерью и внуками, как ездила почти каждый год с тех пор, как пришла работать в галерею.

Все перечисленное не было для Мэгги неожиданностью. Если что и удивляло ее, так лишь то, что за последние несколько месяцев ее сомнения и опасения, связанные с Марком, постепенно уступили место крепнущему чувству доверия.

* * *

Мэгги не смогла бы точно определить, когда это произошло. Так у соседей по дому, регулярно встречающихся в лифте, вежливость перерастает в уютное знакомство. В сентябре, как только ей полегчало после последней инфузии, она начала проводить на работе больше времени. Простые приветствия при встрече с Марком сменились краткими раз-

говорами, постепенно их темы становились все более личными. Иногда эти разговоры происходили в маленькой комнате отдыха, отделенной от ее кабинета коридором, в других случаях – в галерее, если в тот момент там не было посетителей. Чаще всего их беседы завязывались после того, как галерею закрывали на ночь, и продолжались, пока они втроем разбирали и упаковывали снимки, заказанные по телефону или через сайт. Обычно ведущую роль брала на себя Луанн, болтая о том, как неудачно ее бывший выбирает себе новых подружек, или рассказывая о своих детях и внуках. Мэгги и Марк довольствовались тем, что слушали – Луанн *умела* развлечь. Время от времени один из них закатывал глаза в ответ на какое-нибудь замечание Луанн («как пить дать, мой бывший оплачивает всю пластику этой охотницы за деньгами!»), а второй еле заметно улыбался – происходил обмен знаками, предназначенными только для них двоих.

Но бывало и так, что Луанн уходила сразу после закрытия галереи. Тогда Марк и Мэгги работали вдвоем, и постепенно Мэгги немало узнала о Марке, несмотря на то что он по-прежнему не задавал личных вопросов ей. Он рассказал ей о своих родителях и своем детстве, и она поразилась сходству этого детства с фантазиями Нормана Роквелла⁴ – вплоть до чтения на сон грядущий, игр в хоккей и бейсбол и присутствия родителей на каждом школьном мероприятии, какое

---

⁴ Норман Роквелл (1894–1978) – американский художник и иллюстратор. Более 40 лет иллюстрировал обложки журнала The Saturday Evening Post.

он мог вспомнить. Еще он часто рассказывал о своей девушке Абигейл, которая как раз приступила к работе над магистерской диссертацией по экономике в Чикагском университете. Как и Марк, она выросла в маленьком городке – в ее случае это был Уотерлу в Айове, – и он хранил на своем айфоне бесчисленное множество фотографий, запечатлевших их с Абигейл. Со снимков на Мэгги смотрела симпатичная рыженькая девушка солнечной среднезападной внешности, и Марк как-то упомянул, что намерен сделать ей предложение, как только она получит диплом. Мэгги помнила, как засмеялась после этих слов. Зачем жениться, если вы еще так молоды, спросила она. Почему не повременить несколько лет?

– Потому что, – ответил Марк, – она – та самая, с кем я хочу провести остаток своих дней.

– Откуда вы это знаете?

– Иногда такое просто знаешь – и все.

Чем больше она узнавала о Марке, тем больше верила, что его родителям повезло с ним. Он образцовый молодой человек, ответственный и добрый, опровергающий стереотипное мнение о лени и избалованности миллениалов. И все же крепнущая привязанность к Марку удивляла Мэгги хотя бы потому, что у них было слишком мало общего. Ее юность проходила... *необычно*, по крайней мере, некоторое время, в ее отношениях с родителями часто возникала напряженность. И сама она ничем не походила на Марка. Если он был

старательным в учебе и с отличием закончил один из лучших университетов страны, она обычно еле справлялась с учебой в школе и отучилась в общественном колледже меньше трех семестров. В возрасте Марка она довольствовалась возможностью жить настоящим и принимать решения по ходу дела, в то время как у него, похоже, на все имелись четкие планы. Познакомься она с ним в молодости, она бы его скорее всего даже не заметила: в возрасте чуть за двадцать она отличалась умением выбирать совершенно неподходящих мужчин.

И все же порой он напоминал ей человека, которого она знала давным-давно, – того, кто когда-то был для нее целым миром.

* * *

К тому времени, как наступил День благодарения, Мэгги уже считала Марка полноправным членом семьи сотрудников галереи. Она не сблизилась с ним так, как с Луанн и Тринити – но их как-никак объединяли проведенные вместе годы, – однако он все равно стал для нее кем-то вроде друга, и через два дня после праздника они вчетвером допоздна задержались в галерее после закрытия. Был вечер субботы, на следующее утро Луанн улетала на Мауи, Тринити отбывал на Карибы, и по такому случаю они открыли бутылку вина под блюдо с сыром и фруктами, заказанное Луанн. Мэгги тоже взяла бокал, хотя даже представить себе не могла, что съест

или выпьет что-нибудь.

Выпили за галерею – год был, несомненно, самым успешным из всех предыдущих – и провели за непринужденной беседой еще час. Под конец Луанн вручила Мэгги открытку.

– Там внутри подарок, – сообщила Луанн. – Открой после моего отъезда.

– А я тебе так ничего и не приготовила.

– Вот и хорошо, – подхватила Луанн. – Для меня лучший подарок – видеть, как ты постепенно приходишь в себя последние месяцы. Только постарайся открыть его задолго до Рождества.

После заверений Мэгги, что постарается обязательно, Луанн потянулась к блюду и взяла с него две клубничины. В нескольких шагах от них Тринити беседовал с Марком. Поскольку Тринити навещался в галерею даже реже, чем Мэгги, она слышала, как он задает Марку личные вопросы из тех, которые она выяснила для себя еще несколько месяцев назад.

– Не знал, что ты играл в хоккей, – говорил Тринити. – Я большой поклонник «Айлендерс», хоть Кубок Стэнли они не выигрывали уже целую вечность.

– Это отличный спорт. До поступления в Северо-Западный я играл каждый год.

– Разве у них нет своей команды?

– Я недостаточно хорошо играю для университетского уровня, – признался Марк. – Правда, моих родителей это не

смущало: если не ошибаюсь, они не пропустили ни единого матча.

– Они приедут навестить тебя на Рождество?

– Нет, – ответил Марк. – Мой отец организует поездку на Святую землю на праздники для двадцати прихожан нашей церкви. Назарет, Вифлеем – все по полной программе.

– А тебе не хотелось съездить?

– Это их мечта, не моя. И потом, я должен быть здесь.

Мэгги увидела, как Тринити бросил взгляд в ее сторону и снова перевел на Марка. Придвинувшись ближе, Тринити что-то сказал собеседнику шепотом, и, хотя Мэгги не различила ни слова, она точно знала, что услышал Марк, потому что несколькими минутами раньше Тринити уже выразил беспокойство в разговоре с ней.

Постарайся присматривать за Мэгги, пока мы с Луанн в отъезде. Мы оба немного тревожимся за нее.

В ответ Марк просто кивнул.

* * *

Тринити оказался даже более прозорливым, чем наверняка предполагал, но, с другой стороны, и ему, и Луанн было известно, что на десятое декабря у Мэгги назначена очередная встреча с доктором Бродиган. И, как и следовало ожидать, на этой встрече доктор Бродиган призвала Мэгги сосредоточить внимание на качестве ее жизни.

Наступило восемнадцатое декабря. Больше недели прошло с того ужасного дня, а Мэгги до сих пор не оправилась от оцепенения. И никому не рассказала о том, каковы ее прогнозы. Ее родители всегда верили: если они будут молиться со всем усердием, Бог как-нибудь исцелит ее, и чтобы объявить им правду, от нее требовалось больше мужества, чем она могла собрать. То же самое, хоть и в другом ключе, относилось к ее сестре; одним словом, сил у нее не было. Марк пару раз присылал эсэмэски, проверяя, как она, но излагать подробности ее положения в коротком текстовом сообщении казалось Мэгги нелепым, а встречаться с кем-либо лично она была еще не готова. Если бы речь шла о Луанн или даже Тринити, она могла бы им позвонить, но какой в этом смысл? Луанн заслужила отдых в кругу родных, не омраченный тревогами за Мэгги, у Тринити тоже была своя жизнь. И потом, никто из них все равно ничего не смог бы поделать.

В итоге Мэгги, ошеломленная своей новой реальностью, большую часть последних восьми дней провела или у себя в квартире, или совершая короткие медлительные прогулки по ближайшим улицам. Иногда она просто смотрела в окно, рассеянно поглаживая маленькую подвеску на цепочке, с которой не расставалась, в других случаях ловила себя на том, что наблюдает за прохожими. Впервые очутившись в Нью-Йорке, она была зачарована бурлящей вокруг нее деятельностью, подолгу смотрела, как поспешно люди ныряют в подземку, или разглядывала в полночь офисные небоскребы,

зная, что где-то там все еще сидят за столами сотрудники. Наблюдения за лихорадочными перемещениями пешеходов по тротуару под ее окном напомнили ей первые годы, проведенные в большом городе, и ту молодую здоровую женщину, которой она некогда была. Казалось, с тех пор прошла целая жизнь, вместе с тем годы пролетели, словно в мгновение ока, и она, не сумев объяснить себе это противоречие, стала предаваться размышлениям о себе больше, чем обычно. Время, думала она, всегда остается неуловимым.

Чуда она не ждала – в глубине души она всегда знала, что об исцелении не может быть и речи, – но разве плохо было бы узнать, что химиотерапия немного замедлила рак и подарила ей лишний год или два? Или что появилась еще какая-нибудь экспериментальная терапия? Неужели она слишком много просит – дать ей еще один, последний антракт, прежде чем начнется финальное действие?

Вот что отличало битву с раком. *Ожидание*. Слишком многое за последние несколько лет было связано с *ожиданием*. Ожиданием приема у врача, ожиданием терапии, ожиданием улучшения после терапии, ожиданием, чтобы выяснить, подействовало ли лечение, ожиданием, когда она оправится настолько, чтобы попробовать новую терапию. До того как стал известен ее диагноз, любое ожидание раздражало ее, однако теперь именно оно медленно, но верно стало реальностью, определяющей ее жизнь.

Даже сейчас, вдруг подумала она. Вот я здесь, в *ожидании*

смерти.

За оконным стеклом, на тротуаре, люди кутались в зимнюю одежду, их дыхание вылетало изо рта облачками пара, они спешили к неизвестной цели; по узкой проезжей части длинная вереница машин с мигающими задними фарами ползла вдоль живописного ряда кирпичных домов. И все эти люди вели свою повседневную жизнь, как будто это было самое обычное дело. Но ничто теперь не казалось ей обычным, и она сомневалась, что когда-нибудь покажется вновь.

Мэгги завидовала им, этим незнакомцам, которых она не узнает никогда. Они жили, не считая отпущенные им дни, чего ей уже не суждено. И, как всегда, людей было так много. Она уже привыкла к тому, что в большом городе повсюду, в любое время года оказывается в толпе и это создает неудобства даже в простейших вещах. Если ей требовался ибупрофен из аптеки «Дуэйн Рид», приходилось стоять в очереди; если у нее вдруг возникало желание посмотреть фильм, оказывалось, что очередь выстроилась и к кассе кинотеатра. И даже когда она собиралась перейти улицу, ее неизбежно окружали другие прохожие, спешили и толпились у перехода.

Но зачем спешить? Она задумалась об этом сейчас, как задумывалась о многом другом. Как и всем, ей было о чем жалеть, и теперь, когда ее время истекало, она не могла удержаться от воспоминаний. Были в ее жизни и поступки, которые она лучше бы не совершала, были и возможности, ко-

торые она упустила, а теперь они уже больше ей никогда не представятся. О некоторых сожалениях она честно рассказала в одном из своих видео, призналась, что так и не примирилась с ними и к решению этой проблемы ничуть не ближе, чем когда только узнала свой диагноз.

Но нет, после последней встречи с доктором Бродиган она не плакала. Вместо этого она, когда не смотрела в окно и не гуляла, сосредоточилась на обыденных делах. Подолгу спала – в среднем по четырнадцать часов в сутки, заказывала по Интернету рождественские подарки. Записала, но еще не выложила в Сеть очередное «онковидео», посвященное ее последнему приему у доктора Бродиган. Заказывала смузи и старалась допивать их, устроившись в гостиной. Недавно даже попыталась сходить на обед в «Кафе Юнион-сквер». Ей всегда нравилось заходить туда, чтобы перехватить что-нибудь вкусное прямо у барной стойки, но этот визит оказался напрасным, поскольку все, что касалось ее губ, имело искаженный вкус. Рак отнял еще одну радость жизни.

До Рождества осталась неделя, и сегодня, когда солнце начало угасать, Мэгги вдруг ощутила потребность выйти из квартиры. Она оделась потеплее, многослойно, рассудив, что немного побродит без определенной цели, но едва очутилась за порогом, настроение просто побродить улетучилось так же стремительно, как и возникло. И она направилась прямым ходом к галерее. Вряд ли ее ждет обилие работы, но приятно будет убедиться, что там все в порядке.

Галерея находилась на расстоянии нескольких кварталов, и Мэгги шла медленно, стараясь ни с кем не столкнуться. Налетал ледяной ветер, и к тому времени, как за полчаса до закрытия Мэгги толкнула дверь галереи, она уже дрожала от холода. Внутри было непривычно многолюдно: Мэгги ожидала, что с наступлением праздников посетителей поубавится, но явно ошиблась. К счастью, у Марка, похоже, все было под контролем.

Как всегда, когда она входила, головы повернулись в ее сторону, на некоторых лицах были видны проблески узнавания. «Извините, ребята, не сегодня», – вдруг возникла у Мэгги мысль, она помахала всем присутствующим и поспешно скрылась в своем кабинете. Дверь за собой плотно закрыла. В кабинете стояли письменный стол и офисный стул, одну из стен занимали встроенные стеллажи со стопками фотоальбомов и сувенирами, указывающими на обширную географию ее путешествий. Напротив стола помещался серый двухместный диванчик – в самый раз, чтобы свернуться клубком, если ей понадобится прилечь. Резное деревянное кресло-качалка в углу, с подушками в цветочек, привезенное Луанн из загородного дома, стало теплым штрихом в современном кабинете.

Свалив перчатки, шапку и куртку кучей на стол, Мэгги заново повязала платок на голове и тяжело опустилась на офисный стул. Она включила компьютер, машинально проверила продажи за неделю, отметила, что их объем вырос,

но поняла, что не в настроении подробно изучать цифры. И вместо этого, открыв другую папку, принялась перебирать любимые снимки, пока не остановилась на цикле, отснятом в монгольском Улан-Баторе в прошлом январе. В то время она понятия не имела, что это будет ее последняя поездка за границу. Температура держалась намного ниже нуля все время ее пребывания там, резкий ветер был способен обморозить кожу меньше чем за минуту; немалых усилий требовало поддержание фотоаппарата в рабочем состоянии, потому что при таких низких температурах его детали вели себя непредсказуемо. Она помнила, как часто прятала фотоаппарат под куртку, чтобы согреть своим теплом, но эти снимки были настолько важны для нее, что она почти два часа выдерживала натиск стихии.

Ей хотелось найти способы отразить на фотографиях токсичный уровень загрязнения воздуха и его видимое влияние на население. В городе с полутора миллионами жителей, где почти каждый дом и предприятие всю зиму жгли уголь, небо казалось темным даже при дневном свете. Все это свидетельствовало о кризисе здравоохранения, как и об экологической катастрофе, и ей хотелось, чтобы ее снимки подстегнули людей к действию. Она сохранила множество фотографий детей, которые пачкались сажей всякий раз, выходя на улицу поиграть. Ей удалось сделать изумительное черно-белое изображение грязной ткани, которой занавешивали открытое окно, наглядно свидетельствующей о том, что тво-

рится внутри в целом здоровых легких. Кроме того, она охотилась за выразительной панорамой города и наконец сумела поймать тот кадр, которого ждала: ярко-голубое небо, которое внезапно, *враз* сменилось бледной, почти тошнотворно желтой мглой, как будто сам Бог провел идеально ровную линию, разделив небо надвое. От этого снимка захватывало дух, особенно после того, как Мэгги потратила на его обработку несколько часов.

Разглядывая его теперь в тишине своего кабинета, она поняла, что больше никогда не сумеет сделать что-либо подобное. По работе она уже никуда не поедет, возможно, не покинет Манхэттен, разве что поддастся на уговоры родителей и вернется в Сиэтл. Да и в Монголии все осталось по-прежнему. Вдобавок к фотоочерку, который она опубликовала в «Нью-Йоркере», еще несколько изданий, в том числе «Сайентифик Американ» и «Атлантик», пытались привлечь внимание общественности к опасному уровню загрязнения в Улан-Баторе, но за прошедшие одиннадцать месяцев состояние воздуха там, если уж на то пошло, лишь ухудшилось. Ей пришло в голову, что это еще одно фиаско ее жизни, такое же, как проигранная битва с раком.

Между этими мыслями не должна была возникнуть связь, но в тот миг она появилась, и на глаза Мэгги сразу же навернулись слезы. Она умирает, она *в самом деле* умирает, и до нее вдруг дошло, что скоро она встретит свое самое последнее Рождество.

Как же ей следует распорядиться последними драгоценными неделями? И что вообще означает «качество жизни», если речь идет о повседневных обстоятельствах? Она и так уже спит больше, чем когда-либо, но что подразумевается под качеством – следует ли высыпаться, чтобы чувствовать себя лучше, или спать поменьше, чтобы дни продолжались дольше? А как быть с привычными делами? Утруждать ли себя записью на чистку зубов? Рассчитаться ли с долгами по кредиткам или продолжать сорить деньгами? Потому что какое это имеет значение? Что вообще имеет значение на самом деле?

Сотни беспорядочных мыслей и вопросов обрушились на Мэгги; совсем растерявшись, она почувствовала, что захлебывается слезами, и наконец сдалась. Она не знала, сколько продолжался всплеск эмоций – время ускользнуло. Наконец выплакавшись, она встала и вытерла глаза. Взглянула в окно с односторонним стеклом над письменным столом, убедилась, что в галерее не осталось ни души и что входная дверь заперта. Как ни странно, Марка нигде не было, хотя свет остался включенным. Пока она размышляла, где бы он мог быть, в дверь постучали. Даже его стук был вежливым.

Она задумалась, как оправдываться, пока видны следы ее срыва, но потом решила: к чему беспокоиться? Ей давно уже нет дела до собственной внешности; она понимала, что выглядит ужасно даже в лучшие моменты.

– Заходите, – позвала она, и пока Марк входил, вытащила

салфетку из коробки на столе и высморкалась.

– Привет, – тихо произнес он.

– Ага.

– Тяжко?

– Да ничего.

– Я подумал, что это вам не повредит, – он протянул стакан из тех, что продают навынос. – Бананово-клубничный смузи с ванильным мороженым. Вдруг поможет.

Она узнала логотип на стакане – заведение по соседству, через пару дверей от галереи, – и удивилась, откуда он узнал, что с ней творится. Может, догадался, заметив, что она сразу прошла к себе, а может, просто вспомнил просьбу Тринити.

– Спасибо, – она взяла стакан.

– Вы как, ничего?

– Бывало и лучше, – она отпила глоток, радуясь, что сладость напитка ощущают даже ее измученные вкусовые рецепторы. – Как прошел день?

– Насыщенно, но лучше, чем прошлая пятница. Мы продали три фотокопии, в том числе уже третью «Спешку».

Количество копий каждой ее фотографии ограничивалось двадцатью пятью; чем ниже был номер копии, тем выше цена. Снимок, о котором говорил Марк, был сделан в час пик в токийской подземке, где платформу заполнили тысячи мужчин в черных костюмах, которые выглядели совершенно одинаковыми.

– А скульптуры Тринити?

– Сегодня ни одной, но по-моему, есть большая вероятность, что продадим в ближайшем будущем. Днем заходила Джекки Бернстайн вместе со своим консультантом.

Мэгги кивнула. Джекки уже купила ранее две работы Тринити, и он будет рад узнать, что она заинтересовалась еще одной.

– Что там с сайтом и телефонными заказами?

– Шесть подтверждены, двое покупателей запросили дополнительную информацию. Подготовка проданных работ к отправке много времени не займет. Если хотите отправиться домой, могу помочь.

Едва он это произнес, у Мэгги в голове начали всплывать вопросы: *действительно ли я хочу домой? В пустую квартиру? Киснуть в одиночестве?*

– Нет, я останусь, – отказалась она, встряхнув головой. – Во всяком случае, на некоторое время.

Она почувствовала, что Марку стало любопытно, но спрашивать он не станет. И поняла, что собеседования все еще напоминают о себе.

– Вы наверняка следите за моими публикациями в соцсетях и смотрите видео, – начала она, – так что, скорее всего, имеете общее представление о том, что происходит с моей болезнью.

– Вообще-то нет. Ваши видео я не смотрел с тех пор, как начал работать здесь.

Этого она не ожидала. Ее видео смотрела даже Луанн.

– А почему?

– Я полагал, вы предпочли бы, чтобы я этого не делал. А когда задумался о том, как вы поначалу беспокоились насчет моей работы здесь, понял, что так будет правильно.

– Но вы ведь знали, что я прошла химиотерапию, так?

– Об этом упоминала Луанн, но подробностей я не знаю. Разумеется, в тех редких случаях, когда вы заходили в галерею, выглядели вы...

Он умолк, и Мэгги договорила за него:

– Как труп?

– Я собирался сказать, что выглядели вы немного усталой.

А как же. Как будто худобу, бледность, сморщенность и облысение можно объяснить недосыпом. Но она понимала, что он старается не обидеть ее.

– У вас найдется несколько минут? Прежде чем вы займетесь заказами?

– Разумеется. На сегодняшний вечер я ничего не планировал.

Подчиняясь внезапному порыву, она пересела в качалку и жестом предложила ему расположиться на диване.

– Никуда не ходите с друзьями?

– Это довольно дорого, – ответил он. – И при этом обычно заходят куда-нибудь выпить, а я не пью.

– Никогда?

– Да.

– Ого! – удивилась Мэгги. – Вроде бы я никогда еще не

встречала двадцатидвухлетних мужчин, которые вообще не пьют.

– Теперь мне уже двадцать три.

– У вас был день рождения?

– Велика важность.

А может, и нет, подумала она.

– Луанн знала? Она мне ничего не говорила.

– А я не говорил ей.

Она подалась вперед и подняла стакан.

– В таком случае – с опозданием поздравляю с днем рождения!

– Спасибо.

– Вы как-нибудь отметили? В смысле, день рождения?

– Абигейл прилетала на выходные, и мы сходили на «Гамильтона». А вы его видели?

– Не очень давно.

И больше не увижу никогда, не стала добавлять она. Вот еще одна причина не оставаться одной. Чтобы мысли, подобные этой, не вызвали очередной срыв. В присутствии Марка держать себя в руках было как-то проще.

– Раньше я никогда не видел бродвейских постановок, – продолжал Марк. – Музыка была замечательная, мне понравились исторические элементы и танцы, и... словом, все. Абигейл была потрясена, она клялась, что никогда не испытывала такого восторга.

– Как дела у Абигейл?

– У нее все хорошо. Как раз начались каникулы, так что сейчас она, наверное, едет в Уотерлу повидаться с родными.

– Она не захотела приехать сюда, к вам?

– Там намечается что-то вроде сбора всей семьи. В отличие от меня, у нее семья большая – пять старших братьев и сестер, живущих по всей стране. И только на Рождество им удастся собраться всем вместе.

– А вам не хотелось поехать туда вместе с ней?

– Я работаю. Она это понимает. И потом, она приедет сюда двадцать восьмого. Мы побудем немного вместе, посмотрим, как опустится шар на Таймс-сквер, и все такое.

– А я с ней познакомлюсь?

– Если хотите.

– Если вам понадобится выходной, дайте мне знать. Уверена, пару дней я как-нибудь продержусь здесь своими силами.

В этом она сомневалась, но ей вдруг захотелось предложить ему отдых.

– Я вас предупрежу.

Мэгги сделала еще глоток смузи.

– Не знаю, упоминала ли я об этом в последнее время, но вы отлично справляетесь с работой.

– Она мне в радость, – ответил он и выжидательно умолк, она снова убедилась, что он твердо решил не задавать личных вопросов. И это означало, что ей придется либо рассказывать о себе по собственной инициативе, либо хранить мол-

чание.

– На прошлой неделе я встречалась со своим онкологом, – наконец объявила она, надеясь, что голос звучит ровно. – Она считает, что еще один курс химиотерапии принесет вреда больше, чем пользы.

Выражение его лица смягчилось.

– Можно узнать, что это значит?

– Это значит, что лечения больше не будет, и отсчет начался.

Он побледнел, понимая, чего она не договорила.

– О-о... мисс Доус, это ужасно. Мне так жаль. Не знаю, что и сказать. Могу я что-нибудь сделать?

– Думаю, сделать не сможет никто и ничего. Но прошу вас, зовите меня Мэгги. Мне кажется, вы работаете здесь уже достаточно долго, чтобы мы звали друг друга по имени.

– А врач уверен?

– Результаты сканирования неважные. Метастазов полно, они повсюду. В желудке. В поджелудочной. В почках. В легких. И хоть вы и не спрашивали, мне осталось меньше шести месяцев. Вероятнее всего, где-нибудь три-четыре, а может, еще меньше.

К ее удивлению, глаза Марка начали наполняться слезами.

– О, господи... – выговорил он, и его лицо вдруг снова смягчилось. – Вы не против, если я буду молиться за вас? В смысле, не прямо сейчас, а когда вернусь домой.

Она невольно улыбнулась. Разумеется, он будет готов молиться за нее, ведь он будущий священник. Она догадывалась, что он ни разу в жизни не выругался. Такой милый мальчик, думала она. Ну, строго говоря, молодой человек, но...

– Я была бы рада.

Несколько секунд оба молчали. Потом он, покачивая головой, сжал губы.

– Это несправедливо, – произнес он.

– А разве жизнь хоть когда-нибудь бывает справедливой?

– Можно узнать, как вы держитесь? Надеюсь, вы простите меня, если я зашел слишком далеко...

– Ничего, – перебила она. – Пожалуй, я словно в тумане с тех пор, как узнала.

– Это должно быть невыносимо.

– Временами – да. Но в других случаях – нет. Странно, что физически я чувствую себя лучше, чем в начале года, во время химии. В то время бывали случаи, когда я несколько не сомневалась, что умереть было бы легче. Но теперь...

Ее взгляд блуждал по стеллажам, задерживаясь на собранных за годы безделушках, и каждая из них содержала в себе воспоминания об очередной поездке. В Грецию и Египет, в Руанду и Новую Шотландию, в Патагонию и на остров Пасхи, во Вьетнам и Кот-д'Ивуар. Столько мест, столько приключений.

– Странно это – знать, что конец близок, – призналась

она. – Сразу возникает масса вопросов. Заставляет задуматься, в чем вся суть. Порой мне кажется, что меня всю жизнь хранила и баловала судьба, а в следующий миг я ловлю себя на одержимости всем тем, что упустила.

– Чем, например?

– Прежде всего браком, – ответила она. – Вы ведь знаете, что я так и не побывала замужем? – Он кивнул, и она продолжала: – Взрослея, я представить себе не могла, что в мои нынешние годы все еще буду незамужней. Просто вот так меня воспитывали. Мои родители придерживаются крайне традиционных взглядов, и я полагала, что рано или поздно стану такой же, как они, – ей казалось, что мыслями она уносится в прошлое, воспоминания всплывали сами собой. – Разумеется, задачу своим родителям я не облегчала. Во всяком случае, не так, как вы.

– Я не всегда был идеальным ребенком, – возразил Марк. – Я доставлял беспокойство.

– Чем, например? Чем-нибудь серьезным? Или не убрали у себя в комнате и вернулись не к обещанному часу, а с опозданием на минуту?.. Нет, постойте: вы никогда не опаздывали, верно?

Он открыл рот, но когда так ничего и не сказал, она поняла, что права. Должно быть, он принадлежал к подросткам, осложняющим жизнь остальным представителям своего поколения. Просто потому, что был устроен так, чтобы с ним было *легко*.

– Дело в том, что я задумалась: как бы все сложилось, если бы я выбрала другой путь. Но не просто вышла бы замуж. Что, если бы я старательнее училась в школе, закончила колледж, нашла работу в офисе – или перебралась в Майами или Лос-Анджелес вместо Нью-Йорка? И тому подобное.

– Колледж вам явно был не нужен. Вы сделали прекрасную карьеру фотографа, ваши видео и посты о болезни вдохновили множество людей.

– Спасибо на добром слове, но на самом деле они меня не знают. А разве это не самое важное в жизни? Чтобы тебя по-настоящему знал и любил твой избранник?

– Может быть, – согласился он. – Но это не отменяет того, что вы дали людям благодаря своему опыту. Это впечатляющий поступок, для некоторых даже судьбоносный.

Возможно, дело было в его искренности или несовременных манерах, но Мэгги опять поразились тому, насколько он напоминает ей человека, которого она знала давным-давно. О Брайсе она не думала уже много лет, во всяком случае, намеренно. На протяжении почти всей своей взрослой жизни она старалась держать воспоминания о нем на безопасном расстоянии.

Но для этого больше не осталось причин.

– Вы не против, если я задам вам личный вопрос? – спросила она, подражая его характерной чинной манере речи.

– Нисколько.

– Когда вы впервые поняли, что влюблены в Абигейл?

Как только прозвучало ее имя, его словно переполнила нежность.

– В прошлом году, – ответил Марк, откинувшись на подушки дивана. – Вскоре после того, как закончил учебу. После четырех или пяти встреч она захотела познакомить меня со своими родителями. И мы отправились в Уотерлу на машине, только она и я. А когда остановились перекусить, ей захотелось рожок с мороженым. Стояла жара, кондиционер в машине, к сожалению, был неисправен, и конечно, мороженое стало таять и перепачкало ее всю. Многие из-за этого расстроились бы, а Абигейл расхохоталась так, будто бы не видела ничего забавнее, и старалась есть мороженое быстрее, чем оно таяло. Мороженое было повсюду – на ее носу, на пальцах, на коленях, даже на волосах, и я помню, как думал, что хочу вечно быть рядом с таким человеком, как она. С тем, кто способен посмеяться над житейскими неурядицами и найти повод для радости в чем угодно. Вот тогда-то я и понял, что она – та самая.

– И сразу сказали ей?

– О, нет. Я был не настолько смел. Лишь прошлой осенью я наконец собрался с духом признаться ей.

– И она сказала, что тоже любит вас?

– Сказала. Это было такое облегчение.

– По вашим словам, она замечательный человек.

– Так и есть. Мне очень повезло.

Хоть он и улыбался, она видела, что он по-прежнему пе-

реживает.

– Как бы я хотел сделать для вас хоть что-нибудь, – тихо выговорил он.

– Работы здесь вполне достаточно. Ее – и того, что вы задерживаетесь допоздна.

– Мне в радость побыть здесь. Только я вот подумал...

– Продолжайте, – Мэгги взмахнула рукой со стаканом. – Можете задавать любые вопросы. Мне больше нечего скрывать.

– Почему же вы так и не вышли замуж? Если думали, что выйдете?

– По множеству причин. Когда я только начинала строить карьеру, мне хотелось сосредоточить внимание на ней до тех пор, пока я не закреплюсь в своей сфере как следует. А потом я начала много путешествовать, а потом появилась эта галерея, и... видимо, я просто была слишком занята.

– И вы так и не встретили того, кто заставил бы вас во всем этом усомниться?

В последовавшем молчании она бессознательно потянулась к своей цепочке, нащупала маленькую подвеску в виде ракушки, убеждаясь, что она на месте.

– Мне казалось, что встретила. Я знаю, что любила его, но время было неудачным.

– Из-за работы?

– Нет. Это случилось гораздо раньше. Но я практически уверена, что не подходила ему. Во всяком случае, тогда.

– Трудно поверить.

– Вы не представляете, какой я была раньше, – Мэгги отставила стакан и сложила руки на коленях. – Хотите услышать историю?

– Почту за честь.

– Она довольно длинная.

– Какими обычно и бывают лучшие истории.

Мэгги склонила голову, чувствуя, как из глубины ее памяти на поверхность начинают всплывать образы. Она знала, что вслед за образами появятся и слова.

– В 1995 году, когда мне было шестнадцать лет, я начала вести тайную жизнь, – заговорила она.

Брошенная в глуши

Окраоук

1995 год

Вообще-то, если уж говорить начистоту, моя тайная жизнь началась, когда мне было пятнадцать, и мама однажды застала меня на полу в ванной – иссиня-бледную, в обнимку с унитазом. Всю предыдущую неделю меня выворачивало каждое утро, и мама, более опытная в таких делах, чем я, бросилась в аптеку, а после возвращения велела мне пописать на палочку. Когда на ней проступил синий плюсик, она долго смотрела на палочку, не говоря ни слова, потом ушла на кухню и провела там остаток дня, то и дело принимаясь плакать.

Это было в начале октября, к тому времени мой срок составлял чуть больше девяти недель. В тот день я, вероятно, плакала не меньше, чем мама. Сидела у себя в комнате, обняв любимого плюшевого мишку – по-моему, мама даже не заметила, что я не ходила в школу, – и зареванными глазами смотрела в окно, за которым на туманных улицах дождь лил как из ведра. Погода была типичной для Сиэтла, и даже сейчас я сомневаюсь, что в целом мире найдется место более депрессивное, особенно когда тебе пятнадцать, ты беременна и убеждена, что твоя жизнь кончилась прежде, чем у нее появился хотя бы один шанс начаться.

Без слов было ясно, что я понятия не имею, что теперь делать. Вот это мне особенно запомнилось. В смысле, ну что я знала о материнстве? Или даже о том, как быть взрослой? Нет, конечно, бывали случаи, когда я чувствовала себя старше своих лет, например, когда Зик Уоткинс, звезда университетской баскетбольной команды, заговорил со мной на школьной парковке, но отчасти я все еще считала себя ребенком. Я обожала диснеевские фильмы, праздновала день рождения тортом с клубничным мороженым на роллердроме, всегда засыпала с плюшевым мишкой и даже машину водить не умела. Откровенно говоря, у меня не было даже опыта общения с противоположным полом. За всю свою жизнь я целовалась лишь с четырьмя мальчиками, но один раз поцелуи зашли слишком далеко, и чуть больше чем через три недели после того ужасного дня, полного рвоты и слез, родители отослали меня в Окраоук, городок на Внешних отменях штата Северная Каролина, – я даже не знала, что есть на свете такое место. По идее, ему следовало быть живописным приморским городком, излюбленным туристами. Там мне предстояло жить у моей тети Линды Доус, сестры моего отца, намного превосходящей его по возрасту, которую я видела всего раз в жизни. С учителями договорились так, чтобы в учебе я не отстала от сверстников. Мои родители долго беседовали с директором школы, и после того, как директор пообщался с моей тетей, он решил доверить ей наблюдение за тем, как я пишу контрольные, поручил следить, чтобы я

не жульничала и выполняла все задания. Вот так я внезапно стала семейной тайной.

В Северную Каролину родители со мной не поехали, тем тяжелее получилось расставание. Мы попрощались в аэропорту промозглым ноябрьским утром, через несколько дней после Хеллоуина. Мне только что исполнилось шестнадцать, и, несмотря на тринадцать недель срока и непрерывный страх, в самолете я, слава богу, не плакала. Не расплакалась я и в тот момент, когда тетя встретила меня в обшарпанном аэропорту черт знает где, и даже когда мы остановились в унылом мотеле у побережья, поскольку паром до Окраоука ожидался лишь следующим утром. К тому времени я почти убедила себя, что вообще не стану плакать.

Ох, как же я ошибалась.

Когда мы высадились с парома, тетя наскоро устроила мне экскурсию, прежде чем повезти к себе, и, к моему ужасу, Окраоук оказался совсем не таким, как я его себе представляла. Помнится, мне виделись симпатичные коттеджи пастельных оттенков среди песчаных дюн; тропические виды океана, протянувшегося до самого горизонта; дощатая набережная с бургерными, киосками с мороженым, толпами подростков, и может, даже с чертовым колесом или каруселью. Но Окраоук эту картинку ничем не напоминал. Сразу за рыбацкими лодками в крохотном порту, где нас высадил паром, он смотрелся... *уродливо*. Дома были старые, потрепанные непогодой; поблизости ни пляжа, ни дощатой набереж-

ной, ни единой пальмы; и деревня – тетя так и называла это место *деревней*, – казалась совершенно безлюдной. Тетя упомянула, что Окракоук, в сущности, и есть рыбацкая деревня и что круглый год в ней живет меньше восьмисот человек, а я слушала и гадала, как вообще кому-нибудь может захотеться жить здесь.

Жилье тети Линды находилось у самой воды, между двумя такими же обветшалыми домами. Все они высились на сваях на берегу залива Памлико, и в каждом имелась небольшая передняя веранда и еще одна, побольше, вдоль стены гостиной, обращенная к воде. Дом оказался маленьким: гостиная с камином и окном рядом с входной дверью, зона столовой, кухня, две спальни и единственная ванная. Не увидев нигде телевизора, я вдруг запаниковала, но тетя, похоже, ничего не заметила. Она провела меня по дому и наконец показала, где я буду спать, – через коридор от ее спальни, в комнате, где она обычно читала. Первой моей мыслью было, что эта спальня ничем не похожа на мою привычную, в родительском доме. Новая комната больше чем вполтину уступала прежней. Односпальная кровать еле помещалась под окном вместе с мягким креслом-качалкой, торшером и стеллажом, набитым книгами Бетти Фридан, Сильвии Плат, Урсулы Ле Гуин и Элизабет Берг, вдобавок к изданиям по католицизму, томам Фомы Аквинского и матери Терезы. Опять-таки никакого телевизора, зато здесь было радио, хоть и столетней давности с виду, и старомодные часы. Стенной шкаф, если

его можно так назвать, в глубину не превышал фута, и хранить свои вещи я могла лишь одним способом: сворачивая и складывая в стопки на полу. В комнате не обнаружилось ни тумбочки, ни комода, и от всего этого у меня вдруг возникло ощущение, что я здесь с неожиданным визитом всего на одну ночь, а не на шесть месяцев, как предполагалось.

– Люблю эту комнату, – сказала тетя со вздохом, ставя мой чемодан на пол. – Она такая уютная.

– Симпатичная, – выдавила из себя я.

Тетя оставила меня одну, чтобы я разобрала вещи, а я плюхнулась на постель, все еще не веря, что я на самом деле здесь. В этом *доме*, в этом *месте*, с этой *родственницей*. Я выглянула в окно, отметив ржавый оттенок дощатой обшивки дома соседей и каждое мгновение остро жалея, что не могу увидеть залив Пьюджет, или снежные вершины Каскадных гор, или даже изрезанный бухтами скалистый берег, знакомые мне всю жизнь. Мне вспоминались и Дугласовы пихты, и виргинский можжевельник, и даже туманы и дожди. Вспоминались мои родные и друзья, которые с таким же успехом могли оказаться на другой планете, и комок у меня в горле постепенно разрастался. Я была беременна и одинока, очутилась в каком-то жутком месте, отрезанном от внешнего мира, и хотела лишь одного – повернуть время вспять, отменить случившееся. Все разом: «облом», рвоту, отстранение от школьных занятий, поездку сюда. Мне снова хотелось стать обычным подростком – черт, да я бы согласилась да-

же снова считаться *ребенком*, только бы не это, – но я вдруг вспомнила синий плюстик теста на беременность, и на глаза что-то начало давить изнутри. Хоть в дороге я и держалась и даже не сразу расплакалась, очутившись в этой комнате, но едва прижала к груди своего плюшевого мишку и вдохнула его знакомый запах, внутри словно прорвало плотину. И это были вовсе не красиво льющиеся слезы, как в фильмах, которые крутят по каналу «Холлмарк», а плач навзрыд, с всхлипами, завываниями, трясущимися плечами, и продолжался он, казалось, вечно.

* * *

Немного о моем плюшевом мишке, вернее, медведице: она не была ни симпатичной, ни дорогой, но я спала с ней с тех пор, как себя помнила. Ее короткий мех кофейного оттенка местами вытерся, на одной из передних лап виднелись грубые Франкенштейновы стежки. Когда у мишки отскочил один глаз, я попросила маму пришить вместо него пуговицу, но от такого ущерба она стала мне еще дороже, потому что порой и я чувствовала себя ущербной. В третьем классе я написала свое имя маркером на подошве задней лапы, навсегда пометив мишку как свою собственность. Когда я была младше, я таскала игрушку с собой повсюду, как личную разновидность «переходного объекта». Однажды я случайно забыла ее в ресторане «Чак и Чиз», куда ходила отме-

чать день рождения подружки, и когда спохватилась, вернувшись домой, то разрыдалась до рвоты. Папе пришлось ехать за мишкой через весь город, и я точно помню, что чуть ли не целую неделю после того случая не выпускала ее из рук.

На протяжении долгих лет игрушка падала в грязь, впитывала брызги соуса от спагетти и слюни во время сна; когда мама решала, что мишку пора стирать, она бросала ее в стирку вместе с моей одеждой. Я сидела на полу, глядя на стиральную машину и сушилку, представляла, как она крутится там среди джинсов и полотенец, и надеялась, что от этого она не испортится. Но Мэгги-мишка – сокращенно от *«принадлежащая Мэгги мишка»* – всегда возвращалась ко мне чистой и теплая. Мама отдавала ее мне, и я вдруг снова чувствовала себя цельной, как будто все в мире идет правильно.

Уезжая в Окраоук, я знала, что Мэгги-мишка – единственная вещь, которую я не смогу оставить в прежней жизни.

* * *

Пока я рыдала, тетя Линда заглядывала ко мне, но, похоже, не знала, что сказать или сделать, и, видимо, решила, что лучше будет дать мне во всем разобраться самостоятельно. Этому я была рада, но вместе с тем мне стало грустно: я почувствовала себя еще более одинокой и оторванной от всех,

чем прежде.

Каким-то чудом я продержалась первый день, потом второй. Тетя показала мне велосипед, купленный на какой-то гаражной распродаже – судя по виду, он был старше меня, на его пухлом сиденье мог бы с удобством разместиться кто-нибудь вдвое крупнее меня, с массивного руля свешивалась корзина. На велосипеде я не ездила уже много лет.

– Я обратилась к одному местному пареньку, чтобы привел его в порядок, так что велосипед должен быть полностью исправен.

– Класс, – только и сумела ответить я.

На третий день тете надо было на работу, она покинула дом задолго до того, как я проснулась. На столе я нашла папку с моим домашним заданием и поняла, как сильно отстала. Училась я неважно даже в лучшие времена, была типичным середнячком, терпеть не могла, когда раздавали табели успеваемости, и если раньше не гналась за отличными оценками, то теперь и вовсе впала в апатию. В записке тетя напоминала мне, что завтра у меня две проверочные работы. Хоть я и пыталась заниматься, сосредоточиться мне не удалось, я заранее знала, что провалю работы, как в итоге и получилось.

Впоследствии тетя – может, потому что пожалела меня и расчувствовалась больше обычного, – решила, что мне не повредит выйти из дома, и свозила меня к себе в магазин. Он представлял собой небольшую закусочную с кофейней, где

предлагали не только еду. Местным фирменным блюдом были булочки, которые выпекали каждое утро и подавали либо с колбасками и подливой, либо в виде сэндвичей, либо как десерт. Помимо завтраков в магазине продавали подержанные книги и выдавали напрокат видеокассеты, занимались отправлениями через «Юнайтед парсел сервис», сдавали в аренду абонентские ящики, отправляли факсы, сканировали документы, делали ксерокопии, а также посылали денежные переводы через «Вестерн юнион». Моя тетья владела этим заведением вместе со своей подругой Гвен, оно открывалось в пять утра, чтобы рыбаки могли подкрепиться перед выходом в море, и это означало, что тетья обычно являлась на работу к четверем, чтобы успеть напечь булочек. Она познакомила меня с Гвен, одетой в фартук поверх джинсов и фланелевой рубашки, с седеющими белокурыми волосами, собранными в неопрятный хвост. Тетина подруга показалась мне славной, и хотя в магазине я провела не больше часа, у меня сложилось впечатление, что отношения между ними совсем как у давней супружеской пары. Они понимали друг друга с полуслова, умели предугадывать вопросы и двигались за прилавком, не сталкиваясь, слаженно, как танцоры.

Дела заведения шли неплохо, хоть оно и не процветало, и я большую часть времени там листала старые книги. Здесь были детективы Агаты Кристи и вестерны Луиса Ламура, а также довольно внушительное собрание бестселлеров. Был здесь и ящик, куда приносили книги, чтобы отдать даром,

и пока я находилась в магазине, какая-то женщина зашла за кофе и булочкой и принесла небольшую коробку, полную книг, – в основном любовных романов. Перебирая их, я думала, что если бы не увлеклась романами в августе, сейчас не торчала бы здесь.

В будние дни магазин закрывался в три часа, и когда хозяйки заперли дверь, тетя Линда повела меня на продолжительную и более обстоятельную экскурсию по деревне. Она заняла пятнадцать минут и ни на йоту не изменила мое первое впечатление. Потом мы вернулись домой, где я до конца дня пряталась у себя в комнате. Какой бы странной и чужой она мне ни казалась, это было единственное место, где я могла уединиться, пока тетя Линда находилась дома. Если я не делала школьные задания, обычно наспех и тяп-ляп, то слушала музыку, хандрила и слишком много времени посвящала размышлениям о смерти и о моей растущей убежденности, что миру и в особенности моим родным без меня будет гораздо лучше.

Мне пока не удавалось понять толком, что за человек моя тетя. Волосы у нее были короткие и седые, глаза – ласковые, карие, глубоко посаженные на лице, исчерченном резкими морщинами. Ходила она всегда торопливо. Она никогда не вступала в брак, у нее никогда не было детей, и порой казалось, что она любит покомандовать. Раньше она была монахиней и хотя ушла от «Сестер милосердия» почти десять лет назад, по-прежнему придерживалась принципа «чисто-

плотность сродни набожности» и других тому подобных. Я была обязана ежедневно наводить порядок у себя в комнате, стирать свою одежду и убирать в кухне: один раз перед тем как тетя возвращалась домой в середине дня, второй – вечером, после ужина. Все по-честному, думала я, ведь я живу здесь, но, несмотря на все старания, справиться со своими обязанностями как следует мне не удавалось. Наши с тетей разговоры обычно были краткими, за утверждением следовало извинение. Примерно вот так:

– Когда ты поставила чашки обратно в шкаф, они были еще мокрыми.

– Извини.

– На столе остались крошки.

– Извини.

– Ты забыла протереть плиту чистящим средством.

– Извини.

– Покрывало на твоей постели надо оправить.

– Извини.

За первую неделю я извинилась, наверное, раз сто, а за вторую – еще больше. Очередную проверочную работу я провалила, открывающийся с веранды вид мне наскучил. В конце концов я пришла к убеждению, что даже если застрять на живописном тропическом острове, спустя некоторое время его пейзажи тебе начнут приедаться. То есть океан всегда кажется одинаковым. Когда бы на него ни взглянул, вода все *там же*. Да, облака могут выглядеть по-разному, а на

закате небо полыхает оранжевым, алым и золотым, но какая радость от заката, если не с кем любоваться им? Тетя была, по-моему, из тех людей, которые подобных вещей просто не замечают.

И кстати: беременность – *отстой*. Меня все так же тошнило по утрам, порой бывало нелегко вовремя добежать до ванной. Я читала, что некоторых женщин вообще не тошнит, но ко мне это не относилось. На меня тошнота наваливалась по утрам сорок девять дней подряд, так что казалось, будто мой организм вознамерился поставить какой-то рекорд.

Если у рвоты и были плюсы, так только один: из-за нее я почти не набирала вес и прибавила самое большое пару-тройку килограммов к середине ноября. Честно говоря, мне не хотелось растолстеть, но мама купила мне книжку «Чего ждать, когда ждешь ребенка», и я, нехотя полистав ее однажды вечером, узнала, что многие женщины в первом триместре прибавляют от двух до четырех килограммов, так что никакая я не особенная. Но потом вес начинает расти каждую неделю примерно на пару кило, и так до самых родов. Я произвела подсчеты, выяснила, что моя миниатюрная фигура обрстет еще двенадцатью килограммами веса, и поняла, что вместо рельефного пресса у меня появится пивной живот. Впрочем, рельефного пресса у меня не было даже в лучшие времена.

Еще хуже рвоты были взбесившиеся гормоны, в моем случае их проявлением стали прыщи. Как я ни чистила лицо, на

лбу и щеках прыщи то и дело высыпали целыми созвездиями. У Морган, моей безупречной старшей сестры, ни разу в жизни не появилось ни единого прыщика, и я, смотрясь в зеркало, думала, что могла бы отсыпать ей с десятков моих, и все равно моя кожа выглядела бы хуже, чем у нее. Даже с прыщами Морган осталась бы красивой, умной и популярной. Дома мы с ней прекрасно ладили, особенно когда были младше, но в школе она держала дистанцию, предпочитая компанию своих подруг. Морган получала только отличные оценки, играла на скрипке и снялась даже не в одном, а в целых *двух* рекламных роликах местного универмага. И если вам кажется, что соперничество с ней давалось мне легко, то кажется напрасно. Прибавьте мою беременность, и вам станет ясно, почему родители любили Морган во много раз больше. Честно говоря, и я ее обожала.

С приближением Дня благодарения у меня официально диагностировали депрессию. Кстати, ею сопровождаются примерно семь процентов беременностей. Рвота, прыщи и депрессия – я сорвала тройной выигрыш. Повезло, правда? Я все сильнее отставала от школьной программы, музыка в моем плеере становилась все более мрачной. Даже Гвен потерпела неудачу, пытаясь взбодрить меня. С тех пор, как нас познакомили, я немного сблизилась с ней – она приходила к нам на ужин дважды в неделю, – и она спросила, хочу ли я в День благодарения посмотреть парад универмага «Мейсис». Принесенный маленький телевизор она сама установила в

кухне, но, несмотря на то что к тому времени я почти забыла, как выглядит телевидение, эта уловка не помогла выманить меня из комнаты. Я так и сидела в одиночестве и старалась не плакать, представляя, как мама и Морган фаршируют индейку и пекут пирожки в кухне, а папа, развалившись в шезлонге, с удовольствием смотрит футбол. Несмотря на то что тетя и Гвен приготовили праздничный ужин, похожий на тот, какой обычно ставили на стол в доме моих родителей, это было уже не то, да и аппетит у меня так и не появился.

Я много думала о своих лучших подругах Мэдисон и Джо-ди. Мне не разрешили сказать им правду о том, почему я уезжаю; вместо этого мои родители объяснили всем знакомым, в том числе родителям моих подруг, что я отправилась пожить к моей тете куда-то далеко, из-за «экстренной медицинской ситуации» в условиях «ограниченной доступности телефонной связи». Наверняка они дали понять, что я сама вызвалась помочь тете Линде, ведь я такая ответственная, добрая и заботливая. А чтобы эту ложь не разоблачили, мне запретили общаться с подругами, пока я в отъезде. Мобильника у меня не было – в то время они имелись лишь у немногих подростков, – и когда тетя уходила на работу, она уносила шнур от домашнего телефона с собой, так что «ограниченная доступность телефонной связи» превращалась в такую же правду, как и «экстренная медицинская ситуация». Я поняла, что мои родители умеют быть такими же скрытными, как я, и это стало для меня своего рода откровением.

По-моему, примерно в то же время тетя начала тревожиться за меня, хоть и пыталась не поддаваться беспокойству. Пока мы доедали остатки праздничного ужина со Дня благодарения, она вскользь упомянула, что в последнее время я стала не такой болтушкой, как прежде. Так она это называла – «болтушка». Вдобавок она стала менее строго следить за порядком – а может, это я наконец научилась соответствовать ее требованиям, – но как бы там ни было, с недавних пор ее упреки слышались реже. И я видела, как она старается втягивать меня в разговоры.

– Ты принимаешь витамины для беременных?

– Да, – отвечала я. – Вкусно.

– Через пару недель тебе надо показаться акушеру-гинекологу в Морхед-Сити. Сегодня запишу тебя на прием.

– Класс, – отозвалась я, гоняя еду по тарелке и надеясь, что она не заметит, что я почти ничего не съела.

– Еду надо класть в рот, – сообщила она. – А потом проглатывать.

Мне показалось, она хотела пошутить, но я была не в настроении веселиться, поэтому только пожала плечами.

– Приготовить тебе что-нибудь другое?

– Я не настолько хочу есть.

Она сжала губы и окинула взглядом комнату, словно в поисках волшебных слов, способных вновь превратить меня в болтушку.

– О, совсем забыла спросить. Ты звонила родителям?

– Нет. Я собиралась позвонить им, но ты забрала с собой телефонный шнур.

– Можно позвонить им после ужина.

– Наверное.

Она отделила вилкой ломтик индейки.

– Как дела с учебой? Ты опаздываешь с домашними заданиями и в последнее время не очень справлялась с проверочными работами.

– Я стараюсь, – ответила я, хотя на самом деле не стараласьнисколько.

– Что с математикой? Не забывай, что перед рождественскими каникулами тебя ждет несколько важных тестов.

– Ненавижу математику, а геометрия вообще дурацкая. Какая разница, знаю я, как найти площадь трапеции или нет? Вряд ли это мне понадобится в жизни хоть когда-нибудь.

Тетя вздохнула. И снова задумалась, подыскивая слова.

– А реферат по истории ты написала? По-моему, тебе сдавать его на следующей неделе.

– Он почти готов, – соврала я. Мне задали подготовить реферат о Тэргуде Маршалле, а я за него еще даже не бралась.

Чувствуя на себе взгляд тети, я понимала: она гадает, стоит ли верить мне.

* * *

Позднее тем же вечером она предприняла еще одну по-

пытку.

Я валялась в постели в обнимку с Мэгги-мишкой. У себя в комнате я закрылась сразу после ужина и сидела одна, пока в дверях не возникла тетя, одетая в пижаму.

– Ты не думала о том, чтобы подышать свежим воздухом? – спросила она. – Может, сходишь на прогулку или прокатишься на велосипеде перед тем, как завтра взяться за уроки?

– Здесь некуда идти. Почти все закрыто на зиму.

– А пляж? Там так тихо сейчас.

– На пляже слишком холодно.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь несколько дней на улицу не выглядывала.

– У меня слишком много уроков и работы по дому.

– А ты не думала попробовать познакомиться с кем-нибудь из ровесников? Может, завести друзей?

Поначалу мне показалось, что я ослышалась.

– Завести друзей?

– А что такого?

– Здесь же нет моих ровесников.

– Как же нет – есть, конечно, – возразила тетя. – Я ведь показывала тебе школу.

Школа в деревне была единственная, в нее ходили все местные дети – от дошкольников до старшеклассников; мы проезжали мимо нее во время первой экскурсии по острову. На строение с единственным классом, который я видела на

повторных показах «Маленького домика в прериях», она не походила, но казалась немногим больше.

– Наверное, я могла бы прогуляться по набережной или заглянуть в клубы... ах, да: в Окракоуке нет ни того, ни другого.

– Я просто хочу сказать, что тебе было бы полезно поговорить с кем-нибудь помимо нас с Гвен. Такая изоляция не идет на пользу здоровью.

Кто бы сомневался. Вот только с самого приезда в Окракоук я не видела здесь ни единого подростка, да еще я беременна, что должно остаться тайной, так к чему вообще все эти разговоры?

– Находиться здесь тоже мне не на пользу, но похоже, никому нет до этого дела.

Тетя оправила пижаму, словно искала в ткани слова, и решила сменить тему.

– Я тут подумала: неплохо было бы подыскать тебе репетитора. По геометрии – обязательно, а может, и по другим предметам. Например, чтобы он просмотрел твой реферат.

– Репетитора?

– Кажется, я знаю того, кто подойдет идеально.

Мне вдруг представилось, как я сижу рядом с каким-то стариканом, от которого разит «Олд Спайсом» и нафталином, и слушаю, как он разглагольствует о *старых добрых временах*.

– Не нужен мне репетитор.

– У тебя итоговые контрольные в январе и еще много других в последующие три недели, в том числе важных. Я обещала твоим родителям, что приложу все усилия, чтобы тебе не пришлось оставаться в том же классе на второй год.

Я терпеть не могла, когда взрослые ссылались на логику и чувство вины, и, как и следовало ожидать, отступила.

– Да без разницы.

Тетя подняла брови и некоторое время молчала. Потом наконец сказала:

– Не забывай, что в воскресенье у нас церковь.

Разве такое забудешь?

– Помню, – помолчав, буркнула я.

– А потом мы могли бы выбрать елку на Рождество.

– Супер, – ответила я, хотя на самом деле хотела только укрыться с головой, в надежде что она уйдет.

Но такие меры не понадобились – тетя Линда уже поворачивалась. Мгновение спустя я услышала, как закрылась дверь ее спальни, и поняла, что осталась одна на всю ночь, в компании только моих черных мыслей.

* * *

Какими бы тоскливыми ни были остальные дни недели, худшим среди них оставалось воскресенье. Дома в Сиэтле я не имела ничего против походов в церковь, потому что туда же ходила семья по фамилии Тейлор с четырьмя сыновьями,

и все они были несколькими годами старше меня, – с идеальной внешностью прямо для мальчишеской музыкальной группы, с белыми зубами и волосами, которые всегда казались только что высушенными феном. Как и мы, они сидели в первом ряду, только мы слева, а они справа, и я украдкой поглядывала на них, когда мне полагалось молиться. Просто не могла удержаться. Я без памяти влюблялась то в одного из них, то в другого с тех пор, как помнила себя, хотя вообще-то ни разу с ними даже не разговаривала. Морган повезло больше: Дэнни Тейлор, средний брат и неплохой футболист, однажды после церкви угостил ее мороженым. В то время я была в восьмом классе и отчаянно завидовала тому, что он пригласил ее, а не меня. Помню, как я сидела у себя в комнате и не сводила глаз с часов, считая минуты; когда Морган наконец вернулась домой, я бросилась к ней, умоляя рассказать, какой он, Дэнни. Морган, которая всегда оставалась самой собой, просто пожала плечами и ответила, что он не в ее вкусе, отчего мне захотелось задушить ее. Мальчишки млели от Морган, стоило ей просто пройти мимо по улице или зайти выпить диетической колы в фуд-корт местного торгового центра.

Суть заключалась в том, что дома в церкви было на что посмотреть – точнее, на кого: на четырех на редкость симпатичных мальчишек, – в итоге час пролетал незаметно. А здесь посещение церкви не только превращалось в обузу, но и затягивалось на весь день. В Окракоуке не было католиче-

ской церкви, ближайшая, церковь Святого Эгберта, находилась в Морхед-Сити, а значит, добираться туда приходилось семичасовым утренним паромом. До Сидар-Айленда паром обычно шел два с половиной часа, и оттуда до церкви было еще минут сорок езды. Служба начиналась в одиннадцать, так что нам приходилось ждать ее целый час, и продолжалась до полудня. В довершение всех бед обратный паром в Окракоук отходил лишь в четыре часа дня, то есть опять надо было как-то убивать время, ожидая его.

Да, потом мы еще обедали вместе с Гвен, которая всегда ездила с нами. Как и моя тетя, раньше она была монахиней и считала посещение воскресной церковной службы главным событием недели. Она, конечно, была милая и так далее, но спросите любого подростка, много ли удовольствия ему доставляет обед в компании парочки двух бывших монахинь пятидесяти с лишним лет, и вы наверняка поймете, каково мне приходилось. После обеда мы отправлялись за покупками, но этот шопинг был совсем не таким, как в торговом центре или на набережной Сиэтла. Меня тащили в «Уолмарт» за *припасами* – то есть мукой, кулинарным жиром, яйцами, беконом, сосисками, сыром, пахтой, кофе с разными добавками и прочим, что требовалось для выпечки, – покупали их оптом, а затем мы заглядывали на гаражные распродажи, где мои спутницы искали недорогие книги известных авторов и видеокассеты с фильмами, чтобы потом давать их напрокат жителям Окракоука. Вдобавок к поздней поездке на пароме

все это означало, что домой мы возвращались почти в семь, спустя долгое время после захода солнца.

Двенадцать часов. *Целых* двенадцать часов. Только для того, чтобы сходить в церковь.

Между прочим, существует примерно миллион способов провести воскресенье, и все они лучше этого, но увы: утром в воскресенье, едва рассветало, я уже стояла на пристани в куртке, застегнутой на молнию до подбородка, топала ногами и смотрела, как в морозном воздухе изо рта вылетает пар, словно курила невидимые сигареты. А тем временем тети и Гвен шушукались, смеялись и выглядели довольными – наверное, потому, что на сегодня избавились от необходимости ни свет ни заря подавать кофе с булочками. Когда приходил паром, тетя въезжала на него на машине, втиснув ее среди десятка других.

Хотела бы я сказать, что эти поездки были приятными или интересными, но нет, особенно зимой. Тем, кому не нравится глазеть на серое небо и еще более серую воду, смотреть больше не на что, а когда пристань замерзла, поездки на пароме стали раз в пятьдесят хуже. Казалось, ветер дует прямо сквозь меня, и стоило мне провести на открытом воздухе больше пяти минут, из носа начинало лить, глаза краснели. Слава богу, на пароме имелась просторная центральная каюта, где можно было укрыться от холода, и там, рядом с парой торговых автоматов с едой, обычно устраивались моя тетя и Гвен. А я протискивалась в машину и вытягивалась на

заднем сиденье, мечтая оказаться где-нибудь в другом месте и размышляя, как это меня угораздило так влипнуть.

На следующий день после того, как мама велела мне пописать на палочку, она повезла меня к доктору Бобби. Лет на десять старше моей мамы, она была первым врачом, у которого я побывала, если не считать педиатров. По-настоящему доктора Бобби звали Робертой, она была акушером-гинекологом, принимала роды, когда на свет появились мы с сестрой, так что с мамой они давно знали друг друга, и я почти не сомневалась, что мама сгорает от стыда из-за причины нашего визита. Подтвердив беременность, доктор Бобби посмотрела меня на УЗИ, чтобы убедиться, что ребенок здоров. Я подняла рубашку, медсестра намазала мне живот какой-то слизью, и я услышала, как бьется сердце. Это было и здорово, и очень страшно, но мне запомнилось прежде всего то, что происходящее выглядело нереальным, и то, как страстно я желала, чтобы оно оказалось просто дурным сном.

Однако это был не сон. Для меня, католички, об аборте даже речи быть не могло, и как только мы узнали, что ребенок здоров, доктор Бобби провела с нами *беседу*. Она заверила нас обеих, что моей физической зрелости вполне достаточно, чтобы выносить ребенка, а вот эмоции – другое дело. Сказала, что мне понадобится всесторонняя поддержка, отчасти потому, что беременность незапланированная, но в основном из-за того, что я еще подросток. Помимо состояния подавленности я могу ощутить гнев и разочарование.

Доктор Бобби предупредила, что вполне возможно я почувствую отчуждение от подруг, и от этого станет еще тяжелее. Если бы сейчас мне понадобилось свериться с прогнозами доктора Бобби, я сказала бы ей, что галочки можно ставить по всем пунктам – есть, есть, есть и еще раз есть.

Пока слова беседы с врачом еще были свежи в нашей памяти, мама повезла меня в группу поддержки для беременных подростков в Портленд, Орегон. Наверняка такие же группы существовали и в Сиэтле, но я не хотела, чтобы обо мне случайно узнал кто-нибудь из знакомых, и мои родители этого тоже не желали. Так что я, после почти трехчасовой поездки на машине, очутилась в одной из комнат помещения Молодежной христианской ассоциации, где села на складной стул – один из расставленных по кругу. В группе собрались еще девять девчонок, и некоторые из них выглядели так, будто пытались украсть арбуз, спрятав его под юбкой. Группой руководила социальный работник миссис Уокер, мы представились по очереди. Предполагалось, что после этого мы поговорим о наших *чувствах* и нашем *опыте*. Но так уж получилось, что о чувствах и опыте говорили другие, а я только слушала.

Сказать по правде, более угнетающих впечатлений я никогда не получала. Одна девчонка, с виду даже младше меня, рассказала, какой ужасный у нее геморрой, другая все твердила, как у нее болят соски, а потом задрала юбку и показала нам растяжки. Не все, но большинство собравшихся продол-

жали ходить в свои же школы и признавались, что им стыдно отпрашиваться у учителей в туалет, а отпрашиваться порой приходилось по два-три раза за урок. Все они жаловались на обострение прыщей. Двое бросили учебу, и хотя обе говорили, что намерены вернуться в школу, я сомневалась, что кто-нибудь им поверил. Все растеряли подруг, одну девушку родители выгнали из дома, и теперь она жила у бабушки с дедом. И всего одна, хорошенькая мексиканка по имени Серета, продолжала общаться с отцом ребенка и единственная из всех нас собиралась замуж. Кроме меня, все намеревались растить малышей сами с помощью родителей.

Когда собрание закончилось и мы шагали к машине, я сказала маме, что больше не хочу приезжать сюда. Считалось, что собрание группы пойдет на пользу и мне станет не так одиноко, но оно вызвало у меня прямо противоположные чувства. Чего мне хотелось, так просто пройти все это и вернуться к прежней жизни, и того же самого хотели мои родители. Они приняли решение отослать меня к тете и хотя уверяли, что это ради моего же блага – не ради них, – я сомневалась в их искренности.

* * *

После церкви тетя Линда и Гвен протащили меня через всю рутину – обед, закупки, гаражные распродажи, – прежде чем мы въехали на усыпанную гравием стоянку возле хозяй-

ственного магазина, на которой было столько рождественских елок, выставленных на продажу, что стоянка напоминала миниатюрный лес. Тетя и Гвен старались, чтобы это событие запомнилось мне, и то и дело спрашивали мое мнение, я же просто пожимала плечами и предлагала им выбрать ту елку, которая им больше нравится, поскольку никого, похоже, не интересовало, что я на самом деле думаю, по крайней мере, когда речь шла о решениях, касающихся моей жизни.

После шестого или седьмого предложенного дерева тетя Линда перестала приставать ко мне с вопросами, и елка была выбрана без моего участия. Покупку оплатили, я посмотрела, как двое парней в рабочих комбинезонах привязывают ее к крыше машины, и мы снова сели в салон.

Почему-то обратный путь на пароме напомнил мне поездку до аэропорта в мое последнее утро в Сиэтле. Провожали меня и мама, и папа, чего я никак не ожидала: папа видеть меня не мог с тех пор, как узнал о моей беременности. Они довели меня до выхода на посадку и вместе со мной стали ждать, когда ее объявят. Оба почти все время молчали, и мне тоже было нечего сказать. Помню, когда ждать оставалось уже недолго, я призналась маме, что мне страшно. Честно говоря, страшно было настолько, что у меня затряслись руки.

Вокруг нас толпились люди, мама наверняка заметила, что я дрожу, потому что взяла мои руки в свои и сжала. Потом отвела меня в сторону от выхода, где мы могли поговорить без помех.

– Мне тоже страшно.

– А тебе почему? – спросила я.

– Потому что ты моя дочь. Я только и делаю, что беспокоюсь за тебя. А то, что случилось, – это невезение.

Невезение. В последнее время она часто повторяла это слово. Сейчас она напомним, что отъезд из города – это для моего же блага.

– Я не хочу уезжать.

– Об этом мы уже говорили. Ты знаешь, что это ради твоего блага.

Как я и думала.

– Я не хочу расставаться с подругами, – я еле выговаривала слова. – А если тетя Линда меня возненавидит? Если я заболею, и мне понадобится в больницу? Там ведь даже больницы нет.

– Твои подруги все еще будут в городе, когда ты вернешься, – заверила мама. – Я понимаю, тебе кажется, что это большой срок, но май наступит скоро, ты даже опомниться не успеешь. А что касается Линды, в монастыре она помогала таким же беременным девушкам, как ты. Помнишь, я тебе рассказывала? Она о тебе позаботится. Обещаю.

– Но я даже не знаю ее.

– У нее доброе сердце, иначе ты бы туда не уезжала. А с больницей она знает, как быть. И даже в худшем случае у нее есть подруга Гвен – опытная акушерка. Она приняла множество родов.

От этого легче мне не стало.

– А если мне там не понравится?

– Ну что там может быть плохого? Рядом пляж. И потом, вспомни, о чем мы говорили. Даже если сейчас тебе кажется, что легче было бы остаться, в перспективе это решение только осложнит тебе жизнь.

Она имела в виду сплетни, и не только обо мне, но и обо всей нашей семье. Хоть пятидесятые годы остались в далеком прошлом, беременность незамужних девушек-подростков по-прежнему становилась позорным клеймом, и даже я была готова признать, что в шестнадцать лет становиться мамой рановато. Если пойдут слухи, я навсегда останусь *той самой* – и для соседей, и для других учеников школы, и для прихожан в церкви. Они всегда будут помнить, что я – *та самая*, которая залетела, едва перейдя в старшие классы. И мне придется терпеть осуждающие взгляды и снисходительность, придется пропускать мимо ушей перешептывания, проходя по школьным коридорам. На мельнице слухов станут перемалывать сразу несколько вопросов – кто усыновил ребенка, намерена ли я в будущем видаться с ним. И хотя в глаза мне этого не скажут, все примутся гадать, почему я не удосужилась принимать таблетки или не настояла, чтобы он надел резинку; я знала, что многие родители, в том числе друзья нашей семьи, расскажут своим детям обо мне в назидание, как о *той самой*, которая приняла необдуманное решение. А я буду вынуждена тем временем ходить по школе впер-

валку и каждые десять минут отлучаться в туалет.

О да, родители обсудили все это со мной не один раз. Но теперь мама поняла, что еще одного подобного разговора я не хочу, и сменила тему. Она часто так делала, когда не желала спорить и ссориться, особенно на людях.

– Тебе понравился твой день рождения?

– Было нормально.

– Всего лишь нормально?

– Меня выворачивало все утро. Не очень-то хотелось радоваться.

Мама сложила ладони вместе.

– А я все равно рада, что у тебя была возможность повидаться с подругами.

Потому что в следующий раз ты увидишься с ними очень и очень нескоро, не понадобилось добавлять ей.

– До сих пор не верится, что я буду встречать Рождество вдали от дома.

– Тетя Линда позаботится, чтобы оно тебе запомнилось.

– Все равно это уже не то, – захныкала я.

– Да, – признала мама. – Скорее всего. Но мы отлично проведем время, когда я приеду в январе.

– А папа приедет?

Она сглотнула.

– Возможно.

И это значит, что может быть и нет, подумала я. Разговоры родителей на эту тему я слышала, но папа ничего не

обещал. Если он даже теперь видеть меня не желает, что же с ним будет дальше, когда я стану похожей на женское воплощение Будды?

– Мне так жаль, что приходится уезжать.

– Мне тоже, – кивнула мама. – Хочешь немного поговорить с папой?

А разве тебе не стоило прежде спросить у него, хочет ли он поговорить со мной? Но я опять промолчала. А какой в этом смысл?

– Да ладно, – помолчав, сказала я. – Просто я...

Я не договорила, на мамином лице отразилось сочувствие. И как ни странно, несмотря на то что они с папой отсылали меня неизвестно куда, мне показалось, что она об этом сожалеет.

– Я знаю, что во всем этом нет ничего легкого, – шепнула она, удивив меня.

Затем она полезла в сумочку и вручила мне конверт. Он был полон наличных, и я задумалась, в курсе ли ее поступка папа. У нас в семье лишних денег не было, но мама даже не попыталась объяснить, откуда они взялись. Вместо этого мы просидели вдвоем еще несколько минут, пока не услышали объявление о посадке. Когда подошла моя очередь, родители обняли меня, но даже при этом папа отводил взгляд.

Все это случилось почти месяц назад, а казалось, будто в совершенно другой жизни.

На обратном пути на пароме было уже не так холодно, как утром, и серость в небесах почти полностью сменилась сияющей синевой. Я решила посидеть в машине, несмотря на то что растянуться на заднем сиденье было уже невозможно – его заняли закупленные нами припасы. Попытками строить из себя мученицу я дала понять тете Линде и Гвен, что даже покупка рождественской елки не сделала воскресную поездку хоть сколько-нибудь сносной.

– Как хочешь, – пожалала плечами тетя, когда я отказалась перебраться вместе с ними в паромную каюту. Они с Гвен вышли из машины, поднялись по трапу на верхнюю палубу и исчезли из вида. Даже неудобная поза не помешала мне уснуть и проспять целый час. Еще час я слушала музыку на моем плеере, потом в нем сели батарейки, небо почернело, и вскоре я уже извелась от тесноты и скуки. В окне, под яркими паромными огнями, я видела несколько пожилых мужчин, собравшихся возле своих машин, – выглядели они как рыбаки и, наверное, были ими. Как и тетя с Гвен, они быстро ушли в каюту.

Я поерзала на сиденье и поняла, что зов природы становится все настойчивее. Опять. Уже шестой или седьмой раз за день, хоть я почти ничего не пила. Совсем забыла упомянуть: мой мочевого пузырь, о котором я еще недавно по-

что не думала, вдруг превратился в особо чувствительный и доставляющий огромные неудобства орган, из-за которого я была всегда вынуждена точно знать, где находится ближайший туалет. Без малейшего предупреждения клетки мочевого пузыря могли внезапно начать истерически вибрировать, выдавая сообщение: «Опорожни меня сию же минуту, а то пожалеешь!» – и я уже усвоила, что в этом случае выбора у меня нет. «А то пожалеешь!» Если бы безотлагательность этой ситуации описывал Шекспир, у него, наверное, получилось бы что-то вроде: *писать или не писать – это НЕ вопрос*.

Я неуклюже выбралась из машины и взбежала по трапу в каюту, где мельком заметила, что тетя и Гвен с кем-то болтают в одном из уютных уголков. Потом быстро разыскала туалет – к счастью, незанятый, – а когда уже шла обратно, тетя Линда жестом поманила меня к ним. Но я притворилась, будто не вижу, и покинула каюту. Меньше всего мне нужен был очередной разговор со взрослыми. Первым моим порывом после спуска по трапу было направиться напрямиком к машине. Но играть в мученицу оказалось бесполезно, батарейки в моем плеере сели, так какой смысл сидеть в тесноте? И я решила немного осмотреться, надеясь, что это поможет скоротать время. По моим подсчетам, до прибытия осталось около получаса – вдалеке уже виднелись огни Окракоука, – но, увы, экскурсия получилась немногим интереснее залива Памлико. В центре парома находилась каюта, о которой я уже говорила, машины тесно стояли на нижней палубе, над

каютой размещалась рубка, видимо, с капитаном внутри, и доступ туда был запрещен. Но я заметила ближе к носу паррома несколько пустых скамеек и от нечего делать прошла туда.

И сразу же поняла, почему они пустуют. Воздух здесь казался ледяным, ветер словно колот кожу мелкими иголками, и хотя я засунула руки глубоко в карманы куртки, мне все равно было холодно. По обе стороны в темной океанской воде виднелись мелкие белые барашки, похожие на вспышки, которые быстро гасли, и при виде этих волн я вспомнила *его*, хоть мне и не хотелось.

Дж. Парень, из-за которого я так влипла.

Что я могу о нем рассказать? Семнадцатилетний серфер из Южной Калифорнии, пляжный красавчик, проводящий лето в Сиэтле у двоюродного брата, который оказался другом одной из моих подруг. Впервые я увидела его на немногочисленной тусовке в конце июня – только не подумайте, что это было сборище из тех, где родители отсутствуют, выпивка льется рекой, а из-под дверей спальни ползет дым марихуаны. Родители убили бы меня за такое. Тусовка состоялась даже не в доме, а на озере Саммамиш, и моя подруга Джоди была девушкой того самого двоюродного брата, который привел к нам Дж. Джоди и убедила меня пойти с ними, хотя я сомневалась в том, что хочу, но едва появилась в компании, как заметила его, не прошло и двух секунд. Длинноватые светлые волосы, широкие плечи, густой загар, по-

что недостижимый для меня: моя кожа после пребывания на солнце изображала ярко-красное яблоко. Даже издали я отчетливо видела мышцы его пресса, будто он был живым анатомическим пособием.

А еще он встречался с Хлоей, старшеклассницей из одной государственной школы. Я знала Хлою в лицо, но знакома с ней не была, и выглядела она так же шикарно, как Дж. Сразу становилось ясно, что они вместе; будучи по натуре наблюдательной, как Нэнси Дрю, я не могла не заметить этого, тем более что они не скрывались и прямо-таки висли друг на друге. Но это не помешало мне, пока я сидела весь день на своем полотенце, поедать его глазами почти так же, как братьев Тейлор в церкви. Признаться, в последнее время я немного помешалась на мальчишках.

Этим все должно было и закончиться, но, как ни странно, не закончилось. Благодаря Джоди, я увиделась с ним Четвертого июля – на этот раз тусовка была ночной, по случаю фейерверков, но в присутствии родителей, – а потом еще раз, через пару недель в торговом центре. И каждый раз он был с Хлоей и меня вообще не замечал.

А потом наступила суббота, 19 августа.

Ну, что сказать? Я как раз посмотрела «Крепкий орешек 3: Возмездие» вместе с Джоди, хотя уже видела этот фильм раньше, а потом мы пошли к ней домой. В тот раз ее родителей там не было. Зато был двоюродный брат Дж. и Дж. вместе с ним, но без Хлои. Мы с Дж. разговорились на задней ве-

ранде, и каким-то чудом он, кажется, заинтересовался мной. И держался дружелюбнее, чем я ожидала. Рассказывал мне про Калифорнию, расспрашивал о моей жизни в Сиэтле, мимоходом упомянул, что они с Хлоей расстались. Вскоре после этого он меня поцеловал и был таким прекрасным, что я начала терять голову. Короче, я очутилась на заднем сиденье машины его двоюродного брата. Я не задавалась целью заняться с ним сексом, но мне, как и, вероятно, всем моим ровесникам, было любопытно, как это происходит, понимаете? Хотелось знать, из-за чего весь сыр-бор. Не то чтобы Дж. принуждал меня – просто так получилось, и все заняло меньше пяти минут.

После он повел себя очень мило. Когда я спохватилась, что мне уже пора, чтобы успеть вернуться домой к одиннадцати, как было заведено в нашей семье, он проводил меня до машины и снова поцеловал. И пообещал позвонить, но не позвонил. А через три дня я увидела его в обнимку с Хлоей, и когда они поцеловались, я отвернулась раньше, чем он меня заметил, и в горле засадило так, словно я наглоталась наждачной бумаги.

Позднее, узнав о беременности, я позвонила ему в Калифорнию. Джоди взяла его номер у его двоюродного брата, так как сам Дж. свой телефон мне не сказал, и когда я назвала себя, он сделал вид, что меня забыл. Только когда я намекнула, что произошло между нами, он вроде бы вспомнил наш вечер, но даже тогда мне казалось, что он не имеет ни

малейшего понятия, о чем мы говорили или даже как я выглядела. Вдобавок он спросил, зачем я звоню, таким раздраженным тоном, что и без высокого балла за тест SAT⁵ было совершенно ясно: я нисколько его не интересую. Хотя я и собиралась сообщить ему о беременности, я бросила трубку раньше, чем эти слова вырвались у меня, и больше мы с ним не разговаривали.

Кстати, мои родители об этом не знали. Я никому не сказала, кто отец, не объяснила, каким внимательным он казался поначалу и как потом забыл меня напрочь. От этих слов ничего не изменилось бы, да и я к тому времени уже знала, что отдам ребенка на усыновление.

Знаете, что еще я не сказала никому?

Что после этого телефонного разговора с Дж. почувствовала себя глупо, и если родители были разочарованы моим поступком и злились, то я сама злилась на себя еще сильнее, чем они.

* * *

Пока я с покрасневшими ушами и носом, из которого уже лило, сидела на скамье в передней части парома, я заметила краем глаза, как неподалеку что-то промелькнуло. Повер-

---

⁵ SAT (Scholastic Assessment Test или «Академический оценочный тест») – экзаме́н, который призван показать знание основных курсов школьной программы и необходимый для приема в высшие учебные заведения в США.

нувшись, я увидела, что мимо трусит пес с оберткой от «сникерса» в зубах. Выглядел он точь-в-точь как Сэнди, моя любимица, оставшаяся дома, разве что размером чуть меньше.

Сэнди, помесь лабрадора и золотистого ретривера, виляла хвостом, казалось, безостановочно. У нее были нежные, выразительные глаза оттенка темной карамели, и если бы она играла в покер, то проигралась бы подчистую только потому, что совсем не умела блефовать. Я всегда могла в точности определить, что она чувствует. Когда я хвалила ее, ее ласковые глаза сияли счастьем; когда я расстраивалась, они были полны сочувствия. В нашей семье она жила уже девять лет, мы взяли ее, когда я училась в первом классе, и почти всю свою жизнь она спала на моей постели, в ногах. Но теперь она обычно устраивалась в гостиной, потому что у нее пошаливали тазобедренные суставы и лестница стала серьезным препятствием. Однако, несмотря на то что у нее поседела мордаха, глаза ничуть не изменились. Они смотрели все так же ласково, особенно когда я клала ее лохматую голову к себе на колени. Я задумалась, вспомнит ли она меня, когда я вернусь домой. Глупо, конечно. Не может быть, чтобы Сэнди меня забыла. Она же всегда любила меня.

Верно?

Верно?

От тоски по дому на глаза навернулись слезы, я отерла их ладонью, но тут новый всплеск гормонов вмешался, настаивая: КАК ЖЕ Я СОСКУЧИЛАСЬ ПО СЭНДИ! Не раздумы-

вая, я вскочила с места. И увидела, как Копия-Сэнди подбежала к какому-то мужчине, который сидел у края палубы на складном садовом стуле, вытянув перед собой ноги. На нем была оливково-зеленая куртка, а рядом с ним я заметила фотоаппарат на треноге.

Я замерла. Как бы мне ни хотелось рассмотреть собаку – и да, погладить ее, – я не горела желанием ввязываться в натужный разговор с ее хозяином, особенно если он заметит, что я недавно плакала. Я уже собиралась отвернуться, когда мужчина что-то шепнул собаке. И я увидела, как она повернулась, подбежала к ближайшей мусорной урне, встала рядом с ней на задние лапы и аккуратно выбросила в урну обертку от «сникерса».

Удивленно заморгав, я подумала: *ух ты! Вот здорово.*

Пес вернулся к хозяину, улегся и уже собирался закрыть глаза, когда хозяин уронил на палубу пустой бумажный стаканчик. Немедленно вскочив, пес подхватил его, отнес в урну и вернулся. А когда через минуту упал еще один стаканчик, я не выдержала.

– Что вы делаете?! – воскликнула я.

Мужчина повернулся на стуле, и только тогда я поняла свою ошибку. Это был скорее подросток одним-двумя годами старше меня, с волосами оттенка шоколада и темными, весело поблескивающими глазами. Его куртка из оливковой парусины с затейливой отстрочкой выглядела неожиданно стильно, особенно в этом захолустье. Когда он вски-

нул бровь, у меня возникло тревожное чувство, будто он меня ждал. Я молчала, с удивлением думая, что тетя была права. Здесь в самом деле *есть* мои ровесники, или, по крайней мере, кто-то из них сейчас направляется в Окраоук. Население острова состоит не из одних только рыбаков, бывших монахинь и пожилых женщин, которые едят булочки и читают любовные романы.

Собака словно тоже оценивала меня. Она наострила уши и виляла хвостом, с силой ударяя им по ноге парня, но, в отличие от Сэнди, готовой сразу же обрушить шквал любви на каждого нового знакомого и наверняка подбежавшей бы ко мне, этот пес помедлил, снова подхватил бумажный стаканчик и повторил все тот же номер, выбросив его в мусор.

Тем временем его хозяин продолжал разглядывать меня. Даже пока он сидел, видно было, что он подтянутый, мускулистый и определенно симпатичный, но мое помешательство на мальчиках закончилось еще в тот момент, когда доктор Бобби размазала гель по моему животу, и я услышала сердцебиение. Я отвела взгляд, жалея, что не вернулась в машину сразу и вообще подала голос. Зрительный контакт давался мне с трудом – всегда, кроме пижамных вечеринок, на которых мы с подругами играли в гляделки, – и уж конечно, меньше всего в жизни мне нужен был еще один парень. Особенно в такой день, как тот, когда я не только раскисла, но и не накрасилась, и была одета в мешковатые джинсы, высокие «конверсы» и пуховик, придающий мне сходство с зе-

фирным монстром.

– Привет, – наконец произнес он, врываясь в мои мысли. – Я просто наслаждаюсь свежим воздухом.

Я не ответила. И продолжала упорно смотреть на воду, делая вид, будто не слышала его, и надеясь, что он не спросит, плакала ли я.

– Ты как, ничего? Похоже, ты плакала.

Прекрасно, подумала я. Говорить меня с ним не тянуло, но и не хотелось, чтобы он счел меня плаксой и размазней.

– У меня все отлично, – заявила я. – Просто глаза надуло ветром, пока я сидела на носу парома, и они заслезились.

Я сомневалась в том, что он мне поверил, но ему хватило деликатности не подать и виду.

– Там красиво.

– Только после захода солнца смотреть почти не на что.

– Ты права, – согласился он. – За весь рейс так ничего и не случилось. Незачем даже братья за фотоаппарат. Кстати, я Брайс Трикетт.

Его голос звучал негромко и мелодично, хоть мне и не было до него никакого дела. Тем временем собака уставилась на меня и завиляла хвостом. И я вспомнила, зачем вообще заговорила с ним.

– Ты учишь собаку выбрасывать мусор?

– Пытаюсь, – и он вдруг заулыбался, показывая ямочки на щеках. – Но она еще молодая, работы предстоит много. Несколько минут назад она удрала, так что пришлось начи-

нать сначала.

Завороженно глядя на эти ямочки, я ненадолго потеряла нить мысли.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем ты учишь свою собаку выбрасывать мусор?

– Не люблю, когда мусор валяется где попало, и не хочу, чтобы его сдувало ветром в океан. Это вредно для окружающей среды.

– Я о другом: почему ты просто не выбрасываешь его сам?

– Потому что сижу.

– Это мелко.

– Порой и мелочи служат цели, верно?

Ха-ха, мысленно отозвалась я. Но я, в сущности, сама подставилась под дурацкий каламбур, и нехотя признала, что как таковой он довольно оригинален.

– И потом, Дейзи не против, – продолжал он. – Она считает, что это игра. Хочешь познакомиться с ней?

Не дожидаясь ответа, он произнес «вольно», и Дейзи вскочила. Подбежав ко мне, она заюлила у моих ног, заскулила, облизывая мне пальцы. Она не только выглядела как Сэнди, но и на ощупь была точно такой же, и я, глядя ее, перенеслась обратно в простую и счастливую жизнь в Сиэтле, какой она была еще до того, как все пошло наперекосяк.

Но реальность вернулась так же быстро, как и пропала, и я осознала, что задерживаться рядом с этими двоими у меня

нет никакого желания. В последний раз потрепав Дейзи по голове, я сунула руки в карманы и попыталась придумать какой-нибудь предлог, чтобы уйти. А Брайс заканчивать разговор не собирался.

– Кажется, я прослушал твоё имя.

– А я его и не называла.

– Верно, – согласился он. – Но я, пожалуй, смогу узнать его сам.

– Думаешь, ты догадаешься, как меня зовут?

– Обычно у меня отлично получается, – заявил он. – А ещё я умею читать по руке.

– Ты серьёзно?

– Хочешь, докажу?

И не успела я ответить, как он легким движением поднялся и шагнул ко мне. Он оказался чуть выше ростом, чем я ожидала, – долговязым и тонким, как баскетболист. Но не центровый или форвард, как Зик Уоткинс, а, пожалуй, атакующий защитник.

Вблизи я разглядела ореховые крапинки в его карих глазах, потом вновь заметила легкий оттенок насмешки на его лице, который уже видела раньше. Он пристально всмотрелся в мое лицо, удовлетворился результатами и указал на мои руки, все еще засунутые в карманы.

– Теперь можно взглянуть на твои руки? Просто поддержи их вверх ладонями.

– Холодно.

– Это недолго.

Выглядело это странно, и чем дальше, тем страннее, ну и ладно. Я показала ему ладони, он наклонился над ними, сосредоточился. Протянул палец.

– Не возражаешь? – спросил он.

– Валяй.

Он легонько провел пальцем по линиям на одной моей ладони, потом на другой. Жест показался мне неожиданно интимным, и я заволновалась.

– Ты явно не из Окраоука, – протянул он.

– Ого! – воскликнула я, стараясь не выдать свои чувства. – Надо же! И то, что ты никогда прежде не встречал меня, здесь совершенно ни при чем.

– Я имел в виду, что ты не из Северной Каролины. И вообще не с юга.

– Заметил, наверное, что у меня нет южного акцента.

Как и у него, вдруг дошло до меня, и это было странно, ведь я думала, что на юге все говорят как Энди Гриффит. А Брайс тем временем продолжал водить по моей ладони еще несколько секунд, потом убрал палец.

– Ладно, кажется, теперь я понял. Можешь спрятать руки обратно в карманы.

Так я и сделала. И стала ждать, но он молчал.

– И?..

– Что «и»?

– Ты получил все ответы?

– Не все. Но достаточно. И почти уверен, что знаю твое имя.

– Нет, не знаешь.

– Как скажешь.

Каким бы симпатичным он ни был, эта игра мне надоела, пора было уходить.

– Я, наверное, пойду посижу в машине, – сказала я. – Холодает. Было приятно познакомиться, – я повернулась, отошла на несколько шагов и услышала, как он прокашлялся.

– Ты с Западного побережья, – сказал он мне вслед. – Но не из Калифорнии. Думаю... из Вашингтона. Может, из Сиэтла?

Его слова заставили меня замереть, а когда я обернулась, то поняла, что скрыть потрясение мне не удалось.

– Так я прав, да?

– Как ты узнал?

– Точно так же, как узнал, что тебе шестнадцать и ты второй год учишься в старших классах. Ты не единственный ребенок в семье, и у тебя есть... пожалуй, старшая сестра? И твое имя начинается на «эм»... но не Молли, не Мэри и не Мари, а длиннее и строже. Например... Маргарет? Только ты, вероятно, называешь себя Мэгги или как-то так.

У меня от удивления слегка отвисла челюсть, я была слишком ошеломлена, чтобы хоть что-нибудь ответить.

– В Окраоук ты приехала не насовсем, а лишь на несколько месяцев, правильно? – Он покачал головой и снова сверк-

нул улыбкой. – Ну все, хватит. Как я уже сказал, я Брайс и я рад знакомству с тобой, Мэгги.

Прошло несколько секунд, прежде чем я наконец сумела выговорить:

– Ты узнал все это, просто посмотрев на мое лицо и ладони?

– Нет, в основном услышал от Линды.

Я не сразу поняла, о ком речь.

– От моей тети?

– Пока я сидел в каюте, я поговорил с ней. Она немного рассказала о тебе, когда ты проходила мимо. Кстати, это я починил твой велосипед.

Уставившись на него, я смутно припомнила, что видела тетю и Гвен беседующими с кем-то.

– Тогда к чему были все эти разговоры про мое лицо и ладони?

– Ни к чему. Просто ради шутки.

– Это было некрасиво.

– Возможно. Но видела бы ты свое лицо. Ты такая симпатичная, когда понятия не имеешь, что сказать.

Я почти не сомневалась, что ослышалась. Симпатичная? Он только что назвал меня симпатичной? Пришлось снова напомнить себе, что это неважно – ни в том, ни в другом случае.

– Я вполне могла обойтись без этих твоих фокусов.

– Ты права. Больше не буду.

– И вообще, с какой стати моя тетья рассказала тебе обо мне?

И мысленно добавила: что *еще* она ему наговорила?

– Она хотела узнать, не соглашусь ли я побыть твоим репетитором. Иногда я берусь за такую работу.

Да ты меня разыгрываешь.

– Ты будешь моим репетитором?

– Я пока ничего не обещал. Хотел сначала познакомиться с тобой.

– Не нужен мне репетитор.

– Значит, я ошибся.

– Просто тетья слишком тревожится.

– Понимаю.

– Тогда почему кажется, что ты мне не веришь?

– Понятия не имею. Я просто исхожу из того, что услышал от твоей тети. Но если репетитор тебе не нужен, меня это вполне устраивает, – он по-прежнему улыбался, показывая ямочки. – Ну и как тебе, пока нравится?

– Что нравится?

– Окраоук, – пояснил он. – Ты ведь здесь уже несколько недель, да?

– Маленький он какой-то.

– Это точно, – он рассмеялся. – Я тоже не сразу к этому привык.

– Ты здесь не с рождения?

– Нет. Как и ты, я чужанин.

– Чужанин? Что это?

– Любой, кто не отсюда родом.

– Это ненастоящее слово.

– Здесь оно в ходу, – объяснил Брайс. – Мой отец и мои братья тоже чужане. А мама – нет. Она родилась и выросла здесь. Мы переехали всего несколько лет назад, – он ткнул большим пальцем через плечо, в сторону пикапа старой модели с выцветшим красным кузовом и большими широкими шинами. – Если хочешь посидеть, у меня в машине есть запасной стул. Сидеть на нем гораздо удобнее, чем на скамейке.

– Я, наверное, пойду. Не хочу тебя беспокоить.

– Ты меня нисколько не беспокоишь. Пока не появилась ты, поездка была довольно скучной.

Я не сумела определить, заигрывает он со мной или нет, и потому промолчала. По-видимому, мое молчание Брайс принял за знак согласия и продолжил:

– Отлично. Сейчас схожу за стулом.

Не успела я опомниться, как складной стул уже стоял на палубе, обращенный к океану, а Брайс усаживался на свое место. Внезапно мне показалось, что меня загнали в угол, я подошла к предложенному мне стулу и настороженно села.

Брайс вытянул перед собой ноги.

– Не то что на скамейке, ведь правда же?

Я все еще пыталась привыкнуть к тому, что он такой симпатичный, и к мысли, что моя тетя, бывшая монахиня, под-

строила наше знакомство. А может, и нет. Меньше всего моим родителям хотелось, чтобы я так быстро познакомилась с каким-нибудь парнем, о чем они наверняка сообщили тете.

– Да уж. Но все равно холодно.

Пока я говорила, Дейзи вальяжно подошла и улеглась между нами. Протянув руку, я слегка потрепала ее по голове.

– Осторожнее, – предостерег Брайс. – Чем дольше гладишь ее, тем больше ей это нравится, так что остановиться она тебе не даст.

– Ничего. Она напоминает мне мою собаку. В смысле, которая осталась дома.

– Да?..

– Правда, Сэнди старше и чуть крупнее. Я по ней скучаю. А сколько лет Дейзи?

– В октябре исполнился год. А сейчас уже почти четырнадцать месяцев.

– Для такой молодой собаки она прекрасно воспитана.

– Еще бы. Я дрессирую ее со щенячьего возраста.

– Учишь выбрасывать мусор?

– И не только. Например, не удирать, – он переключил внимание на собаку и заговорил другим, более увлеченным тоном: – Но с ней еще работать и работать – правда, умница?

Дейзи заскулила и завиляла хвостом.

– Если ты не из Окраоука, сколько ты живешь здесь?

– В апреле будет четыре года.

– Как же так вышло, что твоя семья перебралась сюда?

– Мой отец был военным, а когда вышел в отставку, мама захотела пожить поближе к своим родителям. И поскольку мы часто переезжали с места на место из-за отцовской работы, он рассудил, что будет справедливо предоставить маме решать, где мы поселимся на некоторое время. И объявил, что нас ждет приключение.

– Ну и как, удастся приключение?

– Временами, – признался он. – Летом здесь сплошное веселье. Остров наводняют приезжие, особенно накануне Четвертого июля. И побережье здесь замечательное. Дейзи любит там бегать.

– Можно узнать, зачем тебе фотоаппарат?

– Для всего интересного, наверное. Но сегодня интересного было немного, даже до темноты.

– А вообще часто бывает?

– В прошлом году на рыболовном судне вспыхнул пожар. Паром свернул с курса, чтобы спасти экипаж, потому что береговая охрана еще не подросла. Печальное было зрелище, но команда не пострадала, а я сделал отличные снимки. Есть еще дельфины, и когда они выскакивают из воды, тоже иногда получаются неплохие кадры. Но вообще-то сегодня я прихватил фотоаппарат для своего проекта.

– Какого проекта?

– Чтобы стать иглскаутом⁶. Я дрессирую Дейзи и хочу

---

⁶ Eagle Scout – высший ранг в американской организации бойскаутов. – *Примеч. пер.*

сфотографировать ее, чтобы снимки вышли что надо.

Я нахмурилась.

– Не поняла. Значит, можно стать иглскаутом, если дрессируешь собаку?

– Я готовлю ее к более сложному курсу дрессировки, – объяснил Брайс. – Она учится быть помощником людей с ограниченной подвижностью, – и он, словно предугадав мой следующий вопрос, добавил: – Тех, кто передвигается в инвалидном кресле.

– В смысле, вроде собаки-поводыря у слепых?

– Примерно. Навыки от нее требуются другие, но принцип тот же.

– Например, она должна уметь выбрасывать мусор?

– Именно. Или приносить пульт дистанционного управления, или телефонную трубку. Выдвигать ящики, открывать дверцы шкафов или двери.

– Открывать двери? А разве она сможет?

– Конечно, для этого нужна особая ручка, не обычная круглая. Она встает на задние лапы, нажимает на ручку передними, потом открывает дверь пошире, просунув в нее морду. Это у нее отлично получается. И ящики умеет выдвигать, если к ручкам привязаны веревки. Над чем предстоит еще поработать, так это над сосредоточенностью, чтобы она не отвлекалась, но думаю, тут дело в ее возрасте. Надеюсь, ее возьмут в официальную программу, и почти уверен, что она с ней справится. Для этого от нее не потребуются никаких

сложных навыков – ими займутся профессиональные дрессировщики, но я хочу дать ей преимущество на старте. А когда она будет готова к работе, то переедет в свой новый дом.

– Так тебе придется ее отдать?

– В апреле.

– Я бы на твоём месте оставила собаку себе и забыла бы про иглскаутов с их проектом.

– Дело не столько в проекте – скорее, в оказании помощи тому, кто в ней нуждается. Но ты права. Это будет нелегко. Мы с ней не расставались с тех пор, как я взял ее.

– То есть только когда ты на уроках?

– Даже тогда, – поправил он. – Я ведь уже закончил учебу, но был на домашнем обучении, со мной занималась мама. И с моими братьями тоже.

Дома, в Сиэтле, я знала только одну семью, дети в которой находились на домашнем обучении, и это была семья религиозных фундаменталистов. С ними я была едва знакома, знала только, что всем дочерям в этой семье полагается носить только длинные платья и что каждое Рождество они выставляют во двор перед домом огромный вертеп.

– Тебе это нравилось? В смысле, учиться дома?

– Очень, – ответил он.

Я задумалась об общении, которое меня особенно привлекало в школе. Невозможно представить, чтобы я не могла видеться с подругами.

– Почему?

– Потому что я мог учиться в своем темпе. Моя мама преподаватель, и поскольку мы постоянно переезжали, родители решили, что нам будет лучше получать образование таким способом.

– У вас в свободной комнате стоят парты? Есть классная доска и проектор?

– Нет. Когда надо, уроки у нас проходят за кухонным столом. Но обычно мы помногу занимаемся самостоятельно.

– И как, получается? – Скрыть недоверие мне не удалось, вопрос прозвучал скептически.

– Думаю, да. По крайней мере, насчет братьев я уверен. Они очень умные. Аж страшно, насколько. Кстати, они близнецы. Роберт увлекается авиастроением, Ричард – компьютерным программированием. Наверное, в университете они начнут учиться лет в пятнадцать или в шестнадцать, но с академической точки зрения готовы уже сейчас.

– Сколько же им лет?

– Всего двенадцать. Не спеши впечатляться: они еще дети, часто делают глупости и сводят меня с ума. А если ты познакомишься с ними, то и тебя сведут. Потому я и предупреждаю тебя заранее, чтобы ты не думала обо мне плохо. И о них тоже: на самом деле они умные, даже если по их поступкам этого не скажешь.

Впервые с начала нашего разговора я не удержалась от улыбки. Поверх его плеча на нас надвигался Окраоук. Пассажиры парома возвращались в свои машины.

– Постараюсь запомнить. А ты? Ты тоже до ужаса умный?

– Не настолько, как они. Но в чем огромное преимущество домашнего обучения, так это в том, что обычно с заданиями справляешься за два-три часа, а потом можно изучать что-нибудь другое. Братья увлекаются естественными и точными науками, а мне нравится фотография, и у меня остается много времени, чтобы практиковаться.

– А как же колледж?

– Меня уже приняли, – сказал он. – Осенью начинаю учебу.

– Тебе восемнадцать?

– Семнадцать. В июле исполнится восемнадцать.

Мне невольно подумалось, что он кажется гораздо взрослее меня, и уж во всяком случае, более зрелым, чем кто-либо из учеников моей прежней школы. В нем чувствовалось больше уверенности, ему было комфортнее в мире и устраивала его роль в нем. Как можно этого добиться в таком месте, как Окраоук, не поддавалось моему пониманию.

– А куда ты поступил?

– В Вест-Пойнт. Там учился мой отец, так что это у нас вроде как семейное. А ты? Как там, в Вашингтоне? Я там никогда не бывал, но слышал, что это красивые места.

– Так и есть. Горы изумительны, там много маршрутов для пеших походов, в Сиэтле не заскучаешь. Мы с друзьями и в кино ходили, и в торговом центре зависали, и все такое. Правда, район у нас тихий. Там живет много пожилых лю-

дей.

– А киты в залив Пьюджет заплывают? Горбатые киты?

– Конечно.

– Ты видела хоть одного?

– Много раз, – я пожала плечами. – В шестом классе мы ездили на экскурсию на катере и подошли к одному совсем близко. Было здорово.

– Я так надеялся разок увидеть кита до отъезда на учебу. Говорят, несколько раз их видели здесь, у побережья, но мне ни разу не повезло.

Мимо нас прошли двое пассажиров, я услышала, как за моей спиной хлопнула дверца автомобиля. Двигатель натужно загудел, паром начал сбавлять ход.

– Похоже, мы почти на месте, – заметила я, подумав, что поездка пролетела быстрее обычного.

– Верно, – отозвался он. – Надо бы мне посадить Дейзи в машину. А тебя, кажется, тетя ищет.

Он помахал, глядя мне за спину, я обернулась и увидела, что к нам приближается тетя. Я мысленно взмолилась, чтобы она не стала махать нам или поднимать шум, давая всем вокруг понять, что я познакомилась с парнем, которого она выбрала мне в репетиторы.

Она замахала рукой.

– Вот ты где! – крикнула она издалека. Пока она подходила, я невольно сжалась на стуле. – А я думала, ты в машине, смотрю, а там тебя нет, – продолжала она. – Вижу, с Брайсом

ты уже познакомилась.

– Здравствуйте, мисс Доус, – произнес Брайс, вставая со стула и складывая его. – Да, нам представилась возможность кое-что узнать друг о друге.

– Приятно слышать.

Возникла пауза, у меня создалось ощущение, что оба они ждут, когда и я скажу что-нибудь.

– Привет, тетя Линда, – я увидела, как Брайс убирает свой стул в кузов пикапа, и поняла намек: мне тоже пора было вставать. Сложив свой стул, я отнесла его к машине, посмотрела, как Брайс уложил его в кузов и поднял борт.

– Запрыгивай, Дейзи, – скомандовал он. Дейзи поднялась и забралась в машину.

Я заметила, как тетя посмотрела сначала на Брайса, потом на меня, потом на нас обоих, не зная, что сказать, пока наконец не вспомнила молодость, годы еще до монашества, когда она чаще проявляла обычные человеческие чувства.

– Я тебя в машине подожду, – сказала она. – Приятно было повидаться с тобой, Брайс. Хорошо, что нам представился случай поговорить.

– Всего хорошего, – отозвался он. – Кстати, я наверняка на этой неделе зайду за булочками, тогда и увидимся.

Тетя Линда снова окинула взглядом нас обоих и наконец направилась прочь. Дождавшись, когда она отойдет подальше, Брайс повернулся ко мне.

– Мне так нравятся Линда и Гвен. В жизни не ел булочек

вкуснее, чем у них, да ты наверняка сама знаешь. Я пытался уговорить их поделиться рецептом, но безуспешно. Мои отец с дедом прихватывают с собой булочки каждый раз, когда выходят на лодке.

– На лодке?

– Мой дед рыбак. А отец, когда не занят консультированием в МО, помогает деду. Чинит лодку и снасти или выходит вместе с ним на лов.

– А что такое МО?

– Министерство обороны.

– А-а, – протянула я, не зная, что еще сказать. Трудно было примириться с мыслью, что консультант Министерства обороны предпочел поселиться в Окраоуке. К тому времени паром остановился, я услышала, как захлопали дверцы машин и взревели двигатели. – Мне, наверное, уже пора.

– Пожалуй. Слушай, было здорово поговорить с тобой, Мэгги. Обычно на пароме нет ни единого человека, близкого мне по возрасту, так что благодаря тебе поездка получилась гораздо приятнее.

– Спасибо, – ответила я, стараясь не глазеть на его ямочки. Отвернувшись, я, к своему удивлению, испытала облегчение, непривычно смешанное с разочарованием оттого, что проведенное нами вместе время кончилось.

В машину я села лишь в самую последнюю минуту, не желая, чтобы меня засыпали вопросами, как обычно делали мои родители. *О чем вы говорили? Тебе он понравился? Как думаешь, он смог бы объяснить тебе геометрию и проверить твои рефераты в случае необходимости? Я не ошиблась в выборе?*

Родители навалились бы на меня оба. Почти каждый учебный день вплоть до «дня рвоты» – или «дня описанной палочки», неважно, – они не забывали расспрашивать меня, как прошли уроки, словно их посещение было чем-то волшебным и таинственным, способным кого угодно привести в восторг. Сколько раз я ни пыталась отделаться кратким «все нормально» – что на самом деле означало «хватит донимать меня дурацкими вопросами», – спрашивать они не прекращали. Вот положи руку на сердце, что я должна была отвечать, кроме краткого «нормально»? Они ведь учились в школе. Знали, каково это. Учитель стоит перед классом и объясняет то, что мне надо выучить, чтобы как следует сдать экзамены, и ничего увлекательного во всем этом нет.

Разве что на обеде порой бывало интереснее. А в младших классах на перемене случалось что-нибудь, о чем можно вспомнить. Но на уроках? Школа – она и есть... *школа*.
К счастью, тетя и Гвен обсуждали проповедь, которую мы

слушали в церкви и я почти не запомнила, да и вообще поездка до дома занимала несколько минут. Сначала мы заехали в магазин, где я помогла обеим выгрузить покупки, а потом, вместо того чтобы подвезти Гвен, мы взяли ее с собой, чтобы она помогла нам втащить в дом елку.

Несмотря на мою беременность и возраст двух моих напарниц, мы как-то ухитрились внести елку вверх по ступенькам и установить ее на подставке, которую тетя Линда откопала в стенном шкафу. К тому времени я уже успела устать и они, по-моему, тоже. И вместо того чтобы сразу украсить елку, тетя с Гвен занялись кухонными хлопотами. Тетя напекла булочек, а Гвен разогрела остатки еды со Дня благодарения.

Только тогда я заметила, как проголодалась, и впервые за все время у тети съела все, что положили мне в тарелку. Вдобавок обратила внимание, что булочки вкуснее, чем обычно, – может, потому что про них говорил Брайс. Потянувшись за второй булочкой, я увидела, что тетя Линда улыбается.

– Что? – спросила я.

– Просто радуюсь, что ты ешь, – ответила она.

– Что в них, в этих булочках?

– Обычные продукты – мука, пахта, кулинарный жир.

– А есть какой-нибудь секрет в рецепте?

Если она и удивилась моему вопросу, то виду не показала. Только заговорщически переглянулась с Гвен и снова повернулась ко мне:

– Разумеется.

– Какой?

– Это секрет, – подмигнула она.

На этом разговор закончился, и я, помыв посуду, ушла к себе. Небо за моим окном осыпали звезды, я видела, как луна зависла над водой, придавая океану серебристый блеск. Переодевшись в пижаму, я уже хотела забраться под одеяло, как вдруг вспомнила, что мне надо писать реферат про Тэргуда Маршалла. Схватив свои заметки – хотя бы их я успела сделать, – я принялась писать. Сочинения у меня всегда получались хорошо, хоть и не блестяще, но определенно лучше, чем математика, и к тому времени, как в дверь постучали, я успела написать полторы страницы. На стук я отвлеклась и увидела, что в комнату заглядывает тетя Линда. Заметив, что я занята уроками, она приподняла бровь, но наверняка сразу поняла, что лучше промолчать, чтобы ненароком не помешать моему неожиданному прогрессу.

– В кухне чистота, – сказала она. – Спасибо.

– Не за что. Спасибо за ужин.

– Да какой там ужин, просто остатки, – она пожала плечами. – Если не считать булочек. Обязательно позвони сегодня родителям. У них время еще не позднее.

Я бросила взгляд на часы.

– Наверное, они еще ужинают. Позвоню им немного позже.

Она негромко прокашлялась.

– Я только хотела, чтобы ты знала: когда я разговаривала с Брайсом, я не стала упоминать о... ну, твоём положении. Просто сказала, что моя племянница приехала пожить у меня несколько месяцев, и этим ограничилась.

Я и не подозревала, что этот вопрос тревожил меня, пока не заметила, с каким облегчением вздохнула после её слов.

– И он не спросил почему?

– Может, и спросил бы, но я не дала ему уклониться от главной темы – согласен ли он побыть твоим репетитором.

– Но ты же рассказала ему обо мне.

– Только по одной причине: надо же было ему узнать о тебе хоть что-нибудь.

– В смысле, если я хочу, чтобы он стал моим репетитором.

– Да, – согласилась она. – Это обстоятельство, конечно, роли не играет, но именно он привел в порядок твой велосипед.

Об этом я уже знала и все еще обдумывала перспективу ежедневных встреч с Брайсом.

– А если я пообещаю догнать остальных своими силами? Без его помощи?

– А сможешь? Ты ведь понимаешь, я тебе помочь не могу. В школе я училась давным-давно.

Я помедлила.

– И что мне говорить, если он спросит, почему я здесь?

Тетя задумалась.

– Важно помнить, что никто из нас не идеален. Все совер-

шают ошибки. Все, что нам остается, – оставаться собой, но при этом стараться быть как можно лучше, и двигаться вперед. Так что если он спросит, можешь или сказать правду, или солгать. Думаю, все зависит от того, какого человека ты хочешь видеть, глядя на себя в зеркало.

Я поморщилась, понимая, что напрасно задала бывшей монахине вопрос, касающийся морали. Чтобы ни в коем случае не возвращаться к нему, я высказалась так, как и следовало ожидать:

– Не хочу, чтобы кто-нибудь знал. И он в том числе.

Она грустно улыбнулась.

– Понимаю, что не хочешь. Только помни, что беременность – тайна, которую нелегко скрыть, особенно в такой деревушке, как Окраоук. И как только появятся признаки...

Договаривать ей не понадобилось. Я поняла, о чем она.

– А если вообще не выходить из дома?

Не успев задать этот вопрос, я уже поняла, что надежды на это несбыточны. По воскресеньям я вместе с местными жителями ездила на пароме в церковь, мне предстояло бывать у врача в Морхед-Сити, то есть опять-таки совершать поездки на пароме. Меня видели в тетинном магазине. Люди уже узнали, что я здесь, на острове, и наверняка кто-нибудь задался вопросом о причинах моего приезда. Насколько я понимала, они интересовали и Брайса. Беременность могли и не заподозрить – в отличие от других проблем. С родными, с наркотиками, с законом, с... еще с чем-нибудь. Иначе

зачем бы я нарисовалась здесь в разгар зимы?

– Ты считаешь, я должна ему рассказать, да?

– Я считаю, – с расстановкой ответила она, – что правду он узнает независимо от того, хочешь ты или нет. Вопрос лишь в том, когда именно и от кого. Так что, думаю, будет лучше, если правду он услышит от тебя.

Я уставилась в окно невидящим взглядом.

– Он подумает, что я ужасная.

– Сомневаюсь.

Я с трудом сглотнула, ненавидя и этот разговор, и все остальное. Тетя молчала, не мешая мне думать. Пришлось признать, что в этом отношении она отличалась от моих родителей в лучшую сторону.

– Думаю, Брайс может побыть моим репетитором.

– Я ему передам, – тихо пообещала она, потом прокашлялась и спросила: – Над чем работаешь?

– Надеюсь сегодня закончить первый черновой вариант реферата.

– Наверняка получится замечательно. Ты же умная девушка.

Скажи это моим родителям, мысленно ответила я.

– Спасибо.

– Тебе ничего не надо, пока я не легла? Может, стакан молока? Завтра мне рано вставать.

– Все хорошо, спасибо.

– Родителям не забудь позвонить.

– Не забуду.

Она повернулась, чтобы уйти, но снова остановилась.

– Да, еще одно: я тут подумала, мы могли бы украсить елку завтра вечером, после ужина.

– Ладно.

– Спокойной ночи, Мэгги. Я люблю тебя.

– И я тебя, – отозвалась я машинально, как сделала бы в разговоре с подругами, но позднее, когда я говорила по телефону с родителями и они спросили, как складываются мои отношения с Линдой, я вдруг поняла, что эти слова мы с ней сказали друг другу тем вечером впервые.

«Щелкунчик»

Манхэттен

Декабрь 2019 года

Когда Мэгги наконец умолкла, Марк так и продолжал сидеть, сложив руки вместе, и его лицо казалось непроницаемым. Помолчав, он покачал головой, будто не сразу понял, что теперь его очередь говорить.

– Извините. Видимо, я все еще под впечатлением от того, что услышал от вас.

– Пока что моя история выглядит совсем не так, как вы ожидали, да?

– Я сам не знаю, чего ожидал, – признался он. – А что было потом?

– Сейчас я слишком устала, чтобы погружаться в продолжение.

Марк вскинул руку.

– Понял. И все же... невероятно. Вряд ли я в свои шестнадцать лет справился бы с таким кризисом.

– У меня просто не было выбора.

– Тем не менее... – он в рассеянности почесал ухо. – Ваша тетя Линда, кажется, интересный человек.

Мэгги невольно улыбнулась.

– Безусловно.

– Вы с ней до сих пор поддерживаете связь?

– Раньше поддерживали. Они с Гвен несколько раз приезжали навестить меня сюда, в Нью-Йорк, однажды я побывала у нее в Окраоуке, но главным образом мы писали друг другу письма и болтали по телефону. Она скончалась шесть лет назад.

– Прискорбно слышать.

– Я до сих пор по ней скучаю.

– Вы сохранили ее письма?

– Все до единого.

Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на Мэгги.

– Почему ваша тетя отказалась от монашества? Вы никогда у нее не спрашивали?

– В те времена – нет. Спрашивать мне было бы неловко, и потом, я была слишком поглощена собственными проблемами, так что подобные вопросы мне даже в голову не приходили. Понадобились годы, чтобы я коснулась этой темы, а когда все же коснулась, доступного моему пониманию ответа не получила. Видимо, я надеялась на нечто более очевидное или что-то в этом роде.

– А что сказала она?

– Что в жизни всему свое время, и то время прошло.

– Хм. Немного загадочно.

– Полагаю, она устала возиться с беременными подростками. Как показывает мой опыт, с нами бывает нелегко.

Марк усмехнулся, потом посерьезнел.

– Монастыри до сих пор принимают к себе беременных

подростков?

– Понятия не имею, но сомневаюсь. Времена меняются. Несколько лет назад, в минутном приступе любопытства я нашла «Сестер милосердия» в Интернете и узнала, что их монастырь закрылся более десяти лет назад.

– А где он находился, этот монастырь? До того, как закрылся, в смысле.

– Кажется, в Иллинойсе. Или в Огайо. Во всяком случае, где-то на Среднем Западе. Только не спрашивайте, как тетя туда попала. Как и мой отец, она родом с Западного побережья.

– Долго она пробыла монахиней?

– Лет двадцать пять. Может, чуть меньше или больше, точно я не знаю. И Гвен тоже. Если не ошибаюсь, Гвен приняла постриг еще раньше тети.

– Как думаете, они были?..

Он замялся, Мэгги вскинула бровь.

– Любовницами? Честно говоря, я и этого не знаю. Когда я повзрослела, у меня появились такие мысли, ведь они всегда были вместе, но я ни разу не видела, чтобы они целовались, держались за руки и так далее. Но одно я знаю наверняка: они всем сердцем любили друг друга. Гвен была рядом с Линдой, когда та скончалась.

– Значит, вы поддерживаете связь и с Гвен?

– Конечно, более близкими были мои отношения с тетей, но после ее смерти я старалась звонить Гвен несколько раз

в год. В последнее время уже реже. У нее Альцгеймер, не уверена даже, что она вообще помнит, кто я такая. Но мою тетю помнит, и это меня радует.

– С трудом верится, что вы ни словом не упоминали об этом Луанн.

– В силу привычки. Даже мои родители до сих пор делают вид, будто ничего не было. И Морган тоже.

– Вы не получали вестей от Луанн? С тех пор, как она уехала на Гавайи?

– О том, что я узнала от врача, я ей еще не говорила, если вы об этом спрашиваете.

Он сглотнул.

– Так обидно, что это происходит с вами, – признался он. – Честное слово.

– Не только вам. Окажите себе добрую услугу: ни вздумайте заболеть раком, особенно в те годы, которые принято считать расцветом жизни.

Он склонил голову, и она поняла, что у него нет слов. Шутки о смерти помогали ей держаться и управлять эмоциями, но был у них и минус: никто не знал, как на них реагировать. Наконец Марк поднял голову.

– Сегодня Луанн прислала мне эсэмэску. Пишет, что вы на ее сообщение не ответили.

– Я сегодня еще не проверяла телефон. Что там было?

– Напоминание, чтобы вы посмотрели, что в открытке, если еще не сделали этого.

Ах, да. Потому что внутри подарок.

– Если хотите помочь мне найти ее, то она, наверное, где-то на столе.

Марк поднялся и начал перебирать бумаги в лотках, пока Мэгги рылась в верхнем ящике стола. Она еще продолжала поиски, когда Марк вытянул конверт из стопки счетов и протянул ей.

– Это она?

– Она самая, – едва взглянув на конверт, ответила Мэгги. – Надеюсь, Луанн подарила мне не сексуальное полароидное селфи.

У Марка изумленно раскрылись глаза.

– На нее это не похоже...

Она рассмеялась.

– Шучу. Просто хотелось увидеть, как вы отреагируете, – она открыла конверт; внутри лежала изящная открытка с напечатанным поздравлением и короткой припиской от руки, где Луанн благодарила Мэгги, «работа с которой – сплошное удовольствие». Она всегда тщательно строила предложения и выбирала слова. В открытку были вложены два билета на постановку «Щелкунчика» Нью-Йоркской балетной труппы в Линкольн-центре. Вечером в пятницу, через два дня.

Мэгги вынула билеты и показала их Марку.

– Хорошо, что вы мне напомнили. Еще немного – и они стали бы просроченными.

– Прекрасный подарок! Вы видели этот балет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.